

Джеймс Блэйлок

КАМЕННЫЙ
ВЕЛИКАН

Приключения Джонатана Бинга

Джеймс Блэйлок

Каменный великан

1989

Блэйлок Д.

Каменный великан / Д. Блэйлок — 1989 — (Приключения Джонатана Бинга)

Вы думаете, третий роман «эльфийской» трилогии Блэйлока содержит развязку событий, знакомых вам по «Эльфийскому кораблю» и «Исчезающему гному»? А вот и нет! В конце 1980-х зрелый Блэйлок на качественно новом уровне вернулся к миру двух своих первых романов и написал совершенно независимую предысторию тех же событий, с главными действующими лицами не то чтобы совсем другими, но игравшими в «Эльфийском корабле» и «Исчезающем гноме» роль скорее подчиненную. Теперь вы узнаете, откуда взялась у Теофилуса Эскаргота эльфийская субмарина, где расположены морские ворота в страну Бэламния, и как спастись от армии гоблинов, имея в своем распоряжении только кремневый пистолет...

Содержание

1. В ТАВЕРНЕ СТОУВЕРА	5
2. ПОЯВЛЕНИЕ ДЯДЮШКИ ХЕЛСТРОМА	15
3. СТОУВЕР ДОБИВАЕТСЯ СВОЕГО	25
4. «РАЗДАВЛЕННАЯ ШЛЯПА»	33
5. ПРАЗДНИК УРОЖАЯ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джеймс Блэйлок Каменный великан

*Из комнат, из кухни во двор ночной
Ложится квадратами свет,
И медленно кружатся над головой
Мириады звезд и планет.
Столько листьев в саду не отыщешь ты,
Столько в городе лиц не найдешь,
Сколько глаз глядит на меня с высоты, —
Миганье, мерцанье, дрожь.
Мне обе Медведицы там видны,
И Полярная там звезда,
И рядом со мной в ведре у стены
Созвездий полна вода.
Они увидали меня, грозят
И гонят меня в кровать,
Но я их миганье, мерцанье, взгляд
Увижу во сне опять.
Р. Л. Стивенсон. Перед сном ¹*

1. В ТАВЕРНЕ СТОУВЕРА

Туманы на реке Ориэль были самым обычным делом. Когда наступал октябрь и ночи становились прохладными и сырыми, туман поднимался над рекой, наползал на берег, медленно плыл вдоль границы луга, мимо Вдовьей мельницы, обволакивал редкие дома на окраине городка и стлался над главной улицей. Ратуша, рыночная площадь, таверна Стоувера исчезали за серой пеленой, и ночные звуки – шаги запоздалого прохожего, уханье совы, тихий скрип ветвей на легком ветру – казались неестественно громкими и зловещими.

Все мало-мальски здравомыслящие люди к этому часу уже укладывались спать – в комнатах с закрытыми окнами и плотно задернутыми шторами, где в каминах, весело помигивая, дотлевали последние красные угольки. В речном тумане чудилось нечто жуткое и странное, словно он был порождением колдовских чар, а не природным явлением. О вещах такого рода ужасно приятно читать в книгах, особенно если у вас под рукой есть кружка имбирного пива или бокал хорошего портвейна и если огонь в камине еще не потух, а часы тихо и мирно тикают на каминной полке, напоминая вам, что пора отправляться на боковую.

Но почти никто в Твомбли ни за какие коврижки не согласился бы выйти из дома в туман, – по крайней мере, после наступления темноты. Не то чтобы на улице вас подстерегали страхи страшные; как раз бояться там, в общем-то, нечего. Разве только выступают порой из тумана неясные очертания сгорбленного дерева, простершего над дорогой кривую ветку, которое словно поджидает именно вас, чтобы схватить и сорвать с вашей головы шляпу. Разве только прошелестят мимо в сыром ночном воздухе осенние листья, подобные бумажным корабликам, на которых путешествуют (если верить старинным легендам) бородатые человечки-невелички с огромными круглыми глазами и в шляпах. Разве только встретится вдруг случайный прохожий, без всякой причины болтающийся по улицам в поздний час; он появится впереди на дороге, словно призрак, и по мере приближения его силуэт будет становиться все отчетливее, но лицо останется неразличимым за туманной пеленой. И вы, прислушиваясь к гулким шагам, постепенно замирающим в темноте и пронизанном лунным сиянием тумане,

зададитесь вопросом, а есть ли у него вообще лицо? Нет, лучше уж сидеть дома да читать при свете лампы, благодушно попыхивая трубкой.

Восходящее солнце рассеет туман, и к полудню от него не останется ничего, кроме росы на луговой траве и мертвых листьях, устилающих землю. В отдалении, низко над горами, повиснет гряда бледных облаков, словно стерегущих ваш покой. Все колдовские чары бесследно развеются, и вместо таинственных ночных звуков вы явственно услышите глухие удары мотыги, при помощи которой ваш сосед в клетчатой рубашке с засученными рукавами выпалывает сорняки на грядках репы и фасоли. Амос Бинг, направляясь в город, прогрехочет мимо в своей нагруженной головами сыра телеге и придержит лошадь у перекрестка, чтобы не сбить молодого Бизла, везущего на своем велосипеде полную картонку бакалейных продуктов к дому вдовы на холме. Словом, Твомбли, как и все благопристойные городки, жил дневной жизнью. А по ночам он спал.

Все это раздражало Теофила Эскаргота. Он предпочитал бодрствовать ночной порой, таинственной и чудесной, когда нельзя угадать, что или кто скрывается в ближайших зарослях или в густой тени неподалеку. У человека, спящего днем, остается мало времени на работу. Эскаргот находил удовольствие в этой мысли. И такому человеку не приходится вести пустые скучные разговоры о погоде, урожае редиса или плачевном состоянии дороги между Твомбли и Монмотом. Поэтому, в отличие от своих собратьев, он любил гулять по ночам и спать днем – каковое обстоятельство глубоко возмущало его жену.

Последнюю возмущали и другие вещи, особенно пристрастие Эскаргота к пирогам. Больше всего он любил яблочные пироги; на втором месте стояли лимонные меренги. Потом следовали пироги с тыквой, малиной, абрикосами, сладким картофелем и с любой другой начинкой, если не считать морошки, имеющей неестественный цвет и слабый привкус мыла. Такой пирог еще кое-как шел со сливочным мороженым, но без приправы никак уже не лез в горло. Эскаргот твердо держался мнения, что в отличие от всех прочих блюд пироги можно есть в любое время суток. Именно поэтому у него и вышла ссора с женой. На самом деле она стала последней в длинном ряду ссор.

Его супруга – худая женщина с локтями, похожими на острые сучки, – свято верила, что пироги едят кусочками, только вечером и только после ужина, надлежащим образом поглощенного. Если ужин состоял из брюссельской капусты и вареного языка – иными словами, если он являлся и не ужином вовсе, а некоей пародией на ужин, состряпанной лишь в интересах поддержания здоровья, – тогда пирог оставался в запертой кладовой, ключ от которой висел на толстом шнурке на шее у жены, а Эскаргот вяло ковырял вилкой капусту, представляя отвратительный вкус ее, и скорбно таращился на ужасный розовый язык, который всегда имел такой вид, словно вот-вот взглянет на него и укоризненно скажет «тц-тц-тц». Будь Эскаргот предельно честен, он не смог бы поклясться, что никогда не испытывал мимолетного желания схватить упомянутый ключ и слегка затянуть шнурок на жениной шее.

Но до этого дело никогда, впрочем, не доходило. Жена, по твердому убеждению Эскаргота, пекла пироги единственно для того, чтобы дразнить его, время от времени бросая жалкие подачки с целью напомнить о чем-то, но, о чем именно, он не понимал. Чаще всего пироги предназначались для церковных собраний и богослужений на открытом воздухе, где поедались совершенно незнакомыми людьми. Такой-то и такой-то, частенько хвасталась жена, съел три куска, а Эскаргот, пропустивший собрание по причине расстройства желудка или вывиха плечевого сустава, оставался и без одного. Обычно выснялось, что такой-то и такой-то съел три последних куска. Почему, недоумевал Эскаргот, чужой человек может умять невесть сколько кусков пирога и тем самым заслужить похвалу, когда Эскарготу позволяется съесть от силы один кусочек? От подобных мыслей у него голова шла кругом.

Однажды ночью, после почти двух лет таких издевательств, он взломал дверь кладовой и умял целый пирог с кувшином жирных сливок. Поливая пирог сливками, он словно воочию

видел перед собой свою жену, которая неодобрительно смотрела на него, тщетно делая критические замечания по поводу его талии и качая головой с видом печальным, но стойким. «Мистер Стоувер, – говорила она, – счел бы такой поступок отвратительным. Чревоугодие, вот как это называется; а мистер Стоувер неоднократно говорил своим прихожанам о грехе чревоугодия». Мистер Стоувер проводил вечерние богослужения в ратуше каждый вторник, а в случае необходимости и чаще. Эскаргот не уступал настойчивым требованиям жены посещать церковные собрания, дабы очиститься и возвыситься духом. Кроме Стоувера собрания регулярно посещал лишь один человек во всем городке – причем, несомненно, с единственной целью полакомиться сладким. Несмотря на постоянное страстное желание заполучить кусочек пирога, Эскаргот никогда не доходил до такого отчаяния, чтобы посещать богослужения ради этого.

Был час ночи, когда он отложил вилку. Он поставил пустой противень в раковину и залил водой, чтобы к нему не присохли поджарки и крошки. Эскаргот знал, что поутру ему в любом случае придется несладко, и не видел смысла вдобавок ко всему выслушивать лекцию о правилах хорошего тона, принятых на кухне. Потом, возбужденный мыслью о похищенном и съеденном пироге, он решил прогуляться по берегу реки, а возможно, и порыбачить пару часов. Жена проснется рано утром и не застанет его дома, а попытка поднять шум из-за истории с кладовой выйдет ей боком. «Я ей покажу», – думал он, запихивая в рюкзак две бутылки холодного пива и надевая куртку.

По пути Эскаргот заглянул в комнату малышки и подумал, что, будь она пятью годами старше, он бы взял ее с собой и научил рыбачить при свете фонаря. Он и так почти не общался с дочерью. Похоже, жена опасалась, что он может оказать на ребенка «влияние». Если бы Энни не спала, подумал Эскаргот, она бы помогла ему управиться с пирогом. Она сочла бы это достойным делом. Но малютка спала конечно; спала крепким сном, сбив одеяльце в сторону. Поэтому Эскаргот заботливо укрыл девочку и на цыпочках вышел из комнаты.

К пяти часам утра, перед самым рассветом, он уложил в плетеную корзину знатный улов речных кальмаров и был весьма собой доволен. Он неторопливо шел по дороге вдоль темной стены леса, тянувшейся по краю луга. Над землей висел густой холодный туман, насыщенный резким, металлическим утренним запахом, ради которого стоило бодрствовать. С ветвей развесистых дубов падали капли, время от времени шлепаясь Эскарготу на шею. Он поднял воротник и ускорил шаг, внезапно почувствовав усталость. Яичница с ветчиной и полкотелка горячего кофе здорово помогли бы ему восстановить силы. «При самом счастливом раскладе, – подумал Эскаргот, – жена вообще не просыпалась ночью, не заметила моего отсутствия. И, стало быть, не обнаружила пропажу пирога и взломанную дверь кладовой». Возможно, он еще успеет починить дверь и сможет заявить, что встал ни свет ни заря и увидел, что дверь болтается на одной петле, пирог пропал, а окно взломано. Вдобавок он спрячет полдюжины банок с консервированными фруктами под домом, чтобы представить дело таким образом, будто вор набил свой мешок съестными припасами из кладовой.

Эскаргот прибавил шаг, слышав шорох в зарослях. «Кролик, наверное», – подумал он, оглядываясь через правое плечо. Уже на расстоянии десяти футов плотная серая пелена скрывала от взгляда все, лишь изредка из тумана выступали призрачные стволы деревьев, корявые и бледные, да нависавшие над дорогой ветви с отягощенными влагой последними листьями. Шорох раздался сначала впереди, ближе к дороге, а потом за спиной Эскаргота. Слева от него тянулся речной берег, позади простирался густой лес. Все вокруг застилала непроглядная мгла, заглушавшая ночные звуки. Эскаргот сам толком не понимал, зачем отправился рыбачить так далеко, – не иначе, он совсем опьянел от пирога и сливок. Твомбли находился в целой миле впереди и еще спал в предрассветной темноте.

Впереди замерцал огонек, который мерно покачивался вверх-вниз, словно кто-то шел навстречу с фонарем в руке. Эскаргот не испытывал особого желания встретиться с кем-либо, с

фонарем тот или нет. Но оказалось, свет источал не фонарь, а ореол фантастического пламени, пылающего вокруг головы тощего морщинистого человечка ростом по пояс Эскарготу. Рядом с ним стоял второй такой же, с широкой ухмылкой на лице и с торчащими дыбом жесткими волосами. Оба они походили на обтянутые кожей скелеты, и одежда на них висела мешком. У обоих были острые зубы, но не звериные клыки, а плоские, пластинчатые зубы треугольной формы.

– Гоблины, – пробормотал Эскаргот и сразу почувствовал, что позади него еще несколько маленьких человечков вышли из леса на дорогу. Гоблин с горящими волосами вытаращил глаза, ставшие круглыми, как тарелки, и вытянул вперед костлявый палец с острым когтем.

– Дай нам, – велел он.

Эскаргот с готовностью кивнул:

– Пожалуйста.

Он решил, что они имеют в виду кальмаров. В конце концов, спорить с гоблинами не стоило, не стоило позволить зацарапать себя до смерти, спасая нескольких кальмаров, которыми река кишмя кишела. В любом случае половину удовольствия он уже получил в процессе рыбалки. Эскаргот открыл корзинку, выстланную внутри мокрой травой, вытащил двух кальмаров и бросил гоблинам. Они тупо уставились на кальмаров, упавших на пыльную дорогу.

Гоблин с горящей головой поднял на Эскаргота изумленный взгляд, а потом вдруг резко ткнул пальцем в ухо своего товарища, разом отлетевшего к стволу дуба, и прыгнул вперед. За спиной Эскаргота послышался дробный топот, и еще три гоблина с возбужденным кудахтаньем пронеслись мимо и набросились на первого гоблина, оказавшего яростное сопротивление. Одного кальмара тот успел наполовину запихнуть в рот, а другого держал в руке, и когда самый проворный из собратьев подскочил к нему, он хлестнул нападавшего наотмашь резиноподобным моллюском, который развалился на куски, не причинив никому вреда. Гоблин энергично заработал челюстями и перекусил острыми зубами второго кальмара; одна половинка моллюска, торчавшая у него изо рта, упала на землю и мгновенно исчезла под грудой тел, когда на нее с пронзительными воплями набросились все пятеро гоблинов, двое из которых умудрились загореться в драке. Эскаргот на цыпочках прошел мимо. Справиться с шайкой гоблинов при помощи кальмаров явно не представлялось возможным. На всякий случай он бросил в кучу-малу еще трех головоногих, а потом пустился наутек, следуя поворотам тропинки, внезапно выступившей из тумана, и с разбегу перепрыгнув через поваленное дерево, местоположение которого он запомнил, когда шел на рыбалку четырьмя часами ранее.

Нечленораздельные вопли постепенно стихли в отдалении, и Эскаргот перешел на шаг; он жадно глотал туманный воздух и часто оглядывался, задерживая дыхание и напряженно прислушиваясь, нет ли за ним погони. Останавливаться сейчас не стоило. Сейчас было не время отдыхать; Эскарготу предстояло пройти еще четверть мили по лесу, прежде чем он выйдет на луг, где окажется в относительной безопасности. Сразу за лугом светились городские огни, а гоблины, подобно волкам и троллям, стараются держаться от городов подальше.

Над головой Эскаргота треснула ветка. Он пошатнулся и повалился ничком на дорогу, пытаясь оторвать от себя существо, неожиданно прыгнувшее на него сверху. Оно завопило дурным голосом прямо ему в ухо, пронзительно заверещало на своем тарабарском наречии. Крохотные ручки гоблина обхватили Эскаргота за шею, лихорадочно шарили у него по груди, дергали за ремешок, на котором висел кожаный мешочек. Гнусные дьяволята хотели ограбить его! Им нужны были вовсе не кальмары. Он перекатился на спину, подмяв под себя визжащее, верещащее существо и почти высвободившись из цепкой хватки противника. Маленький человечек высунулся у него из-за плеча, скаля острые зубы, бешено вращая глазами, похожими на крутящиеся цевочные колеса. Эскаргот крепко взял его за горло и рывком выдернул из-под себя. Другой рукой он схватил гоблина за ногу, поднял высоко над головой и с размаху швырнул в реку.

Кожаный мешочек остался в целости и сохранности. Но вот корзина для рыбы пришла в полную негодность. Высокая и узкая, плетенная из ивовых прутьев, она расплющилась почти в лепешку, и из трещины в дне торчала голова кальмара со страдальчески заведенными глазами. Эскаргот откинул крышку корзины, вытащил оттуда нескольких оставшихся полураздавленных кальмаров и уже на бегу побросал на землю, когда к нему устремилась первая группа гоблинов, о чьем приближении предупреждали горящие головы, светившиеся во мгле подобно маякам. Эскаргот мчался во весь дух, бросив корзину и удочку в траве на берегу. Через пять минут он выбежал из леса и оставил гоблинов позади. С наступлением утра туман начал рассеиваться, и со стороны городка потянуло запахом дыма.

Церковные колокола пробили шесть, когда он дотопал до своего дома, рассчитывая бесшумно проскользнуть в заднюю дверь и, если посчастливится, сфальсифицировать кражу со взломом съеденного им самим пирога. Задняя дверь оказалась запертой на висячий замок. На передней двери Эскаргот обнаружил записку с предложением убраться прочь и никогда не возвращаться. Ломиться в дом и рвать глотку не имело смысла, ибо жена отправилась к Стоуверу, сведущему и в нравственности, и в законах.

В течение следующей недели Эскаргот днем спал на заброшенной Вдовьей мельнице, а по ночам рыбачил или слонялся по осенним улицам, ведя воображаемые разговоры с женой и постепенно укрепляясь в подозрении, что она никогда не предоставит ему возможности провести хоть один из подобных разговоров в действительности. Все попытки воззвать к ней через закрытые окна оставались безуспешными. Жена отсутствовала дома чаще, чем присутствовала.

Не раз в глухой час ночи, когда туманная мгла окутывала дубы и заросли болиголова, спускавшиеся с предгорий и тянувшиеся по обочинам дороги, а Эскаргот брел куда глаза глядят, засунув руки в карманы, он вдруг слышал постукивание посоха в отдалении – словно кто-то шел навстречу, нащупывая путь в тумане. Казалось, звуки прилетали с дуновением прохладного ветерка. Они всегда замирали вдали, как если бы путник – странное дело! – удалялся от Эскаргота. Никто никогда не проходил мимо него; стук посоха просто вдруг доносился из тумана, а потом постепенно стихал.

Эскаргот говорил себе, что это какой-то ночной дятел долбит дыры в коре деревьев, чтобы спрятать там желуди, но сам себе не слишком верил. Он также не раз слышал тихое хихиканье где-то в тумане. Казалось, кто-то смеялся над ним – крайне неприятное предположение, заставлявшее Эскаргота зорко следить, нет ли поблизости гоблинов, хотя едва ли маленькие человечки решились бы выйти из леса. Однако сохранять бдительность в любом случае не мешало; он уже убедился, что по ночам гоблины поднимаются по долине реки Ориэль гораздо выше, чем хотелось верить большинству жителей городка.

Эскаргота неотступно преследовали мысли о доме, хотя никогда прежде он не придавал значения таким вещам. Дом для него был просто временным пристанищем, одним из множества возможных. У человека должно быть много пристанищ, говорил он себе; тогда, если одно придет в негодность, он всегда сможет перебраться в другое. Сам он не станет слишком привязываться ни к каким стенам, чтобы в безысходной тоске слоняться по тихим ночным улицам, если вдруг родной дом сгорит или рухнет под натиском урагана, или, наконец, если вдруг его, Эскаргота, вышвырнут за дверь из-за съеденного без спроса пирога и кувшина сметаны. Вероятно, с детьми то же самое. Неплохо бы иметь про запас пару детишек. Но у него нет никого, кроме маленькой Энни, верно?

Через неделю таких ночных бдений Эскаргот обнаружил свою одежду, книги и разные безделушки сваленными в кучу на переднем крыльце своего дома – или ее дома, если точнее. Большинство вещей он там и оставил. Именно тогда он начал жалеть себя. Ибо одно дело блуждать по дорогам в туманной ночной мгле, когда вы знаете, что сразу за холмом вас ждет постель с пуховой периной, камин с прошлогодними дубовыми поленьями и любящая семья. Но совсем другое, когда за холмом нет ничего, кроме других холмов.

Возможно, он действительно поступил дурно и необдуманно отягчил свою вину, скрывшись с места преступления. Но все-таки почему, недоумевал Эскаргот, его брак дал трещину? На роль мужа, впрочем, он не особо годился, это точно. К тому времени, когда перед ним встала необходимость исполнять упомянутую роль, он уже был в значительной степени слеплен из дрянного, прокисшего теста. Он слишком любил рыбалку и считал, что человек должен трудиться лишь в случае крайней необходимости. Он всегда умудрялся жить неплохо, не обременяя себя работой, особенно последние два года. Мелкий товарообмен, своевременно произведенный, обычно позволяет сводить концы с концами – можно обменять, например, кальмаровые часы на ботинки, ботинки – на медный калейдоскоп и перочинный нож с костяной ручкой, перочинный нож – на шляпу, шляпу – на куртку, а калейдоскоп давать напрокат за пенни в минуту. Человек всегда может найти себе дело, верно?

Подобные мысли тяготили Эскаргота, но гораздо сильнее тяготили его жену, которая часто говорила, что «он слишком тяжеловесен для легкой работы и слишком легкомыслен для тяжелой». Защитительные доводы Эскаргота – мол, у него творческая натура и призвание скорее к философии, нежели к труду, – звучали фальшиво даже для него самого. У него не было оправданий, вот в чем дело. Но почему человек должен постоянно оправдываться? Почему, скажите на милость, человек должен просить позволения съесть собственный пирог? При мысли о пироге Эскаргот вспомнил, что ночи становятся длиннее и холоднее, и снова погрузился в раскаяние. Он взял обыкновение по утрам болтаться неподалеку от старого дома, стараясь оставаться незамеченным, но в глубине души надеясь, что его заметят и он узрит некое чудо, благодаря которому все уладится.

Но на сей раз он узрел лишь Гилроя Бэстейбла, который с самым деловым видом направлялся в центр, явно довольный собой. Бэстейбл покачал головой. К этому времени уже все жители Твомбли знали о печальной участи Эскаргота, и большинство, сказал Бэстейбл, взяло сторону жены, как это ни прискорбно. Стоувер прочитал целую проповедь в связи со случившимся. Эскаргот получил хороший урок, не правда ли? А история с похищением пирогов...

– Пирога, – поправил Эскаргот.

– Прощу прощения? – дружелюбно переспросил Бэстейбл.

– В деле замешан только один пирог. И о краже вообще не идет речи, верно? В конце концов, человек съел свой собственный пирог с персиками из своего собственного ухоженного сада.

Мэр Бэстейбл бросил взгляд на забитый сорняками сад Эскаргота с чрезмерно разросшимися деревьями. Он поднял брови и пожал плечами, словно давая понять, что судит лишь на основании известных ему фактов.

– Вам не стоило убегать от нее, дружище.

– Я пошел на рыбалку, – сказал Эскаргот, от волнения забыв обо всем, что говорил себе несколько минут назад. – А она выгнала меня из дома, не удостоив даже взглядом на прощание. Два года семейного счастья псу под хвост. Все женщины сумасшедшие, вот что я думаю. Химия, чистая химия! Я...

Бэстейбл положил руку на плечо Эскарготу и покачал головой, продолжая улыбаться искусственной улыбкой.

– Мы понимаем, каково вам, – сказал он, словно это могло премного утешить. – Мы все надеемся, что вы сумеете пережить эту маленькую неприятность.

– Мы! – возопил Эскаргот, сбрасывая с плеча руку друга. – Пережить! Да пропади все пропадом! – И с этими словами он помчался прочь, решительно стиснув зубы.

Он свалит отсюда, вот что он сделает. В мире полно потрясающих мест. Он отправится на побережье, на Очарованные острова. Да зарастить этот Твомбли плесенью! Он мрачно ухмыльнулся. Последняя часть внутреннего монолога ему понравилась. Зарастить плесенью – хорошее

выражение, если такое выражение вообще есть. А если нет, значит, будет, решил Эскаргот, замедляя шаг и поворачивая к таверне Стоувера.

Таверна еще пустовала. Для посетителей было слишком рано. В настенных канделябрах горели свечи, отбрасывая круги мутно-желтого света на оштукатуренные стены. Получасом раньше пол был покрыт опилками и стружками, усыпан ореховой скорлупой, колбасными шкурками и засаленными обрывками газет. Теперь он был чисто подметен, и служанка по имени Лета широким плоским совком сгребала и ссыпала в ведро мусор, предварительно собранный в кучу. Темная прядь упала ей на лоб, и девушка на мгновение остановилась, чтобы заправить ее под красную ленту, перехватывавшую волосы, заплетенные в тяжелую косу. Непокорная прядь мгновенно взбунтовалась и снова упала на лоб. Лета подняла глаза и нахмурилась при виде Эскаргота, который стоял в дверях и пялился на нее.

Он впервые увидел Лету в библиотеке профессора Вурцла. Они оба спрашивали одну книгу или, по крайней мере, книги одного автора: профессора Дж. Смитерса из деревни Бромптон. Больше всего на свете Эскаргот любил в полдневный зной лежать с книгой и трубкой под дубом, коли таковой случался поблизости, или на берегу Ориэли, за пристанями. Дома читать не получалось. Он приходил в бешенство, когда его отвлекали. А для него всегда находились дела: вынести мусор, выколоть сорняки на грядках, снять коробки с полок в чулане, десять раз передвинуть мебель в комнате, чтобы в конечном счете вернуться к тому, с чего все началось. Обычно жена обращалась к Эскарготу из соседней комнаты голосом, расстояние слышимости которого не превышало восьми футов. «Что?» – кричал он, прекрасно понимая, что должен немедленно отложить книгу (ясное дело, пустую и бесполезную) и спешить на помощь – чаще всего давить какого-нибудь безобидного жука, который занимался своим делом, искал тихий уголок, чтобы почитать роман из жизни жуков да спокойно поваляться, задрав лапки, а вместо этого находил свою погибель под подошвой башмака. Противно своей воле Эскаргот являлся соучастником бесчисленных убийств. Но он знал за собой склонность раздражаться по мелочам. Он положил останавливать себя всякий раз, когда начнет раздражаться по мелочам, особенно вслух. Мелочная раздражительность превращает людей в нестерпимых зануд.

Он смотрел, как Лета выставила мусорное ведро за заднюю дверь, взяла пухлый дерюжный мешок и принялась вытряхивать из него опилки и стружки на чистый пол, замечая их ногой под столы. Она нашла в библиотеке книгу о празднике урожая на побережье, и Эскаргот, взглянув на название на обложке, честно сказал, что всегда хотел совершить многодневное путешествие вниз по Ориэли и посетить побережье, чтобы принять участие в ежегодном празднике урожая, устраивавшемся в пору осеннего равноденствия. Лета не раз участвовала в таком замечательном событии. Она родилась в предгорьях близ побережья в канун праздника урожая и потому была так называемой жницей, хотя и не принадлежала к племени гномов. Она была ростом пять футов, всего на дюйм ниже Эскаргота.

Он взял с Леты обещание вернуть книгу поскорее, не сомневаясь, что проявленный им интерес к последней кажется притворным и что девушка считает его нахальным типом. Но ничего подобного. Ведь он был женат, причем уже два года, и хотя многие говорили, что он ленив и уважает себя не больше, чем окружающих, у него были принципы. Он не держал пальцы скрещенными, когда поклялся хранить верность жене. Однако неожиданно для себя Эскаргот стал беспокоиться, не подумает ли Лета, будто он посещает библиотеку отнюдь не из тяги к знаниям, а потом забеспокоился по поводу своего беспокойства, ибо оно ставило под сомнение принципы, которыми он гордился. Большую же пользу принесли ему все эти волнения! Он с таким же успехом мог раз и навсегда отказаться от всех своих принципов. Но Эскаргот знал, что не изменит жене даже теперь. Он все еще был женат, пусть и жил на заброшенной мельнице и питался рыбой да лесными ягодами. Как знать, может статься, все еще переменится.

Эскаргот сел за стол у стены и улыбнулся, встретившись взглядом с Летой. Девушка вынула часы из кармана кожаного фартука и взглянула на циферблат.

– Мы открываемся только через час, – сказала она.

– Конечно, – сказал Эскаргот, несколько опешив. Неужели она подумала, что он явился за кружкой эля в столь ранний час? «Неудачное начало разговора», – подумал он и мгновенно понял, что действительно хочет выпить кружку эля в столь ранний час и что не стоило начинать никаких разговоров. Он ухмыльнулся – с глупым видом, как ему показалось.

– Мне просто интересно, понравилась ли вам книга. Я проходил мимо, увидел вас в открытую дверь и решил зайти и составить вам компанию.

– О какой книге вы говорите?

– «Полнолуние перед осенним равноденствием» Дж. Смитерса. Из библиотеки профессора. Помните?

– Я помню, что всего несколько дней назад говорила вам, что книга мне очень понравилась. Когда мы встретились у ларька с дынями, возле магазина Бизла. – Лета смотрела на него странным взглядом, словно начиная подозревать, что он либо туп, либо хочет подшутить над ней.

– Ну конечно, – сказал Эскаргот. – Конечно. Я немножко... расстроен... да, пожалуй, это верное слово. – Он пустился было в объяснения, но сразу спохватился и прикусил язык. Не стоит никому надоедать. – Я дочитал только до половины. Смитерс всегда давался мне плохо. Я не понимаю, что там правда, а что нет. Несколько лет назад, когда библиотека еще не перешла в ведение профессора, старый Кеттеринг хранил сочинения Смитерса на полке с историческими трудами. А профессор говорит, что Кеттеринг был дураком и что Смитерс пишет небылицы. Но на мой взгляд, все люди болтают много вздора, в том числе и профессор Вурцл – особенно профессор Вурцл. В том числе и Дж. Смитерс, коли на то пошло.

Лета бросила последнюю горсть стружек под угловой стол, положила полупустой мешок на плечо и направилась в заднее помещение таверны. Взглянув в одно из мутных окон, выходящих на улицу, Эскаргот увидел, что туман рассеивается. Пронизанный бледными солнечными лучами, он стал молочно-белым, и стекла в окнах казались матовыми. При виде солнца Эскаргот вдруг пришел в почти умиротворенное состояние, впервые за последние две недели. Он вытащил из кармана куртки трубку и набил ее табаком, лениво размышляя, не имеет ли смысла добавить в табак пару ароматных кедровых стружек, просто интереса ради. Пожалуй, не стоит, решил он в конце концов. Скорее всего они вспыхнут как факел, и вся трубка сгорит к чертовой матери. А Лета окончательно убедится, что он не в своем уме. Девушка вернулась, на ходу засучивая рукава.

– Ну и как же отличить правду от вымысла? – спросила она, вытаскивая сразу несколько стеклянных пивных кружек из раковины, наполненной чистой водой.

Эскаргот пожал плечами, задумчиво глядя на кружки:

– Вы читали его бэламнийские книги?

– Только одну. «Каменные великаны». Она вам попадалась?

– Да, – ответил Эскаргот. – Именно о ней я и хотел спросить. Мне снятся удивительные сны. Глупые, конечно, как и все сны, но непохожие на обычные. Понимаете, я вижу лицо человека, который видит мои сны. Но это не мое лицо. Вот что странно. Взгляните на это.

Эскаргот снял куртку. У него на боку, на длинном кожаном ремешке, перекинутом через шею и пропущенном под левой рукой, висел мешочек. Он высвободил руку из-под ремешка и, не снимая мешочка с шеи, высыпал из него на ладонь агатовые шарики – кроваво-красные, величиной с кошачий глаз.

– Стеклянные шарики? – спросила Лета, недоуменно поднимая брови и явно не разделяя восторга, овладевшего Эскарготом.

– Не уверен. С месяц назад в нашем городке останавливался один бродячий торговец. Возможно, вы видели, как он ходил по улицам, торгуя китовыми глазами. Я купил один – такая здоровенная штуковина в банке. Как только я их увидел, я сразу сказал себе: вот что тебе нужно. Они стоили недешево, но у моей жены куча золотых побрякушек. Она просто купается в золоте, хотя меня к нему и на выстрел не подпускает.

Эскаргот спохватился. Он говорил в настоящем времени, как будто у него есть жена. Лета вновь принялась мыть кружки.

– В любом случае, – продолжал он, глядя в окно, – с тех пор мне и начали сниться странные сны. Вряд ли китовый глаз имеет к этому отношение, поскольку через неделю я отдал его Гилрою Бэстейблу в обмен на книги Белых гор Смитерса, все двадцать пять томов. Первый том подписан, и в него вложена страница рукописи.

– Правда?

– Честное слово, – гордо сказал Эскаргот, заметив, что при упоминании о книгах Смитерса Лета несколько смягчилась.

– Хотите кружечку эля? – спросила она, поднимая кружку. – До одиннадцати ждать недолго, так что, полагаю, уже можно.

– Нет, не хочет он никакого поганого эля! – раздался раздраженный голос от двери, и Стоувер, сгорбленный и хмурый, стремительно вошел в зал и треснул кулаком по первому попавшемуся столу. Стоувер, который по воскресеньям выполнял обязанности пастора, а по субботам отправлял должность судьи, был на голову выше любого местного жителя. Но из соображений нравственности он решительно выступал против пьянства и обжорства (по крайней мере против обжорства) и потому был страшно худым, хотя и держал таверну. Под тяжестью своей головы он сгибался почти пополам, словно вечно высматривал на земле какой-то потерянный предмет, возможно пенни. Глаза же у него, в противовес всему остальному, постоянно смотрели вверх и почти скрывались под бровями, нависавшими над носом, подобно карнизу крыши. Стоувер оперся о стол и сердито уставился на Эскаргота.

– Эта милая женщина... – сказал Стоувер, собрав в морщины целый акр лба и медленно, демонстративно сдвинув брови.

Сначала Эскаргот решил, что он говорит о Лете, которая выразительно закатила глаза, поставила кружку на стойку и прошла мимо Стоувера в заднее помещение. Дверь за ней с грохотом захлопнулась. Стоувер испустил тяжелый вздох. «Что, собственно, этот болван воображал о нас с Летой?» – недоуменно подумал Эскаргот.

– К великому прискорбию, – вскричал хозяин таверны, подняв палец и резко крутанув им в воздухе, – у закона нет на вас управы!

Эскаргот оглянулся через плечо, на мгновение задавшись вопросом, нет ли в таверне еще кого-нибудь, кто привел Стоувера в такое возбуждение. Но он никого не увидел. Эскаргот театрально поднял брови и указал на себя, вопросительно склонив голову к плечу.

– Смейтесь, коли вам угодно! – в бешенстве проорал Стоувер, сузив глаза и снова грохнув кулаком по столу. – Но да будет вам известно, сэр, хоть вы и подлец, что милая бедная женщина и ее драгоценное дитя без вас живут в десять раз лучше, чем жили с вами две недели назад. Вы поступили милосердно, покинув их в ту ночь. Обокрасть свою собственную жену, пока она спит! Валяться в пьяном оцепенении до рассвета, а потом притащиться домой – с намерением, несомненно, сотворить еще какое-нибудь зло! Но такого рода милосердный поступок, сэр...

Эскаргот медленно поднялся на ноги, прервав хозяина таверны на полу фразе. «Надо ему врезать», – подумал он, делая шаг вперед. Внезапно ему пришло в голову, что, вполне возможно, он знает далеко не все о событиях последних двух недель. Стоувер попятился, вытаращившись на Эскаргота с удивлением и страхом, и неловко вытащил из кармана куртки серебряную фляжку. Он отвинтил колпачок, поднес фляжку к губам и, запрокинув голову, сделал три

глотка; его адамово яблоко прыгало, словно поплавок, приводимый в движение попавшейся на крючок форелью.

– Лекарство, – выдохнул Стоувер, вытирая губы тыльной стороной ладони. Он отступил назад и трясущейся рукой нашарил спинку стула, словно собираясь использовать последний в качестве оружия. На лбу у него выступили капли пота.

Хлопнула дверь, и в зал снова вошла Лета. Она резко остановилась при виде нахмуренного Эскаргота, который угрожающе похлопывал по ладони увесистым мешочком с шариками, снятым с шеи.

– Одиннадцать часов, – сказала девушка, доставая карманные часы и для пущей убедительности заводя их. – Пора открываться. Уберите это, – велела она Эскарготу. – Не выставляйте себя еще большим дураком, чем уже выставили.

– Послушайте юную леди, – проквашал Стоувер, нервно дергая за верхнюю пуговицу рубашки.

– А вы заткнитесь, – отрезала Лета, бросив на него уничтожающий взгляд. Она подошла к бочке, налила пинту эля и, смахнув шапку пены деревянной линейкой, толкнула кружку по стойке в направлении Эскаргота.

– Я не обслуживаю таких типов! – вскричал Стоувер, снова впадая в ярость.

– Знаю, – сказала Лета. – Именно поэтому это сделала я. Но это последняя кружка эля, которую я налила здесь, старина; так что всех остальных посетителей будете обслуживать сами. Вчера вечером вы мне выплатили жалование. Сегодня утром вы мне ничего не должны.

– Вы не имеете права!.. – начал было Стоувер, но обнаружил, что кричит в пустоту. Эскаргот взглянул в окно и увидел, как Лета стремительно шагает по главной улице в сторону магазина Бизла и исчезает в легкой дымке тумана. – Вы должны заплатить за эль, – слабым голосом проговорил Стоувер, проскользнув за стойку бара. Он снова неловко вытащил из кармана флягу и еще раз приложился к ней.

Пристально глядя на хозяина таверны, Эскаргот осушил кружку, поставил ее на ближайший стол и бросил монетку в опивки. Он повернулся и вышел прочь – с самым хладнокровным видом, как ему показалось. Однако, едва выйдя за порог, он пустился бегом.

– Подождите! – крикнул он, завидев красную блузку Леты в полуквартале впереди.

Девушка остановилась и разглядывала витрину магазина, пока запыхавшийся Эскаргот не подбежал к ней.

– Полагаю, я могу угостить вас ленчем. – Он снял шляпу и нервно покрутил ее в руках, широко ухмыляясь. Потом он вдруг понял, что выглядит глупо, и стер улыбку с лица, приняв самый серьезный вид.

– Думаю, этот номер не пройдет.

– Разве?

– Повремените немного. – Лета еле заметно улыбнулась. – Возможно, мы с вами встретимся у профессора Вурцла.

– Возможно, и встретимся, – проговорил Эскаргот. Он смотрел, как она исчезает в тумане во второй раз за последние пять минут, и совершенно не представлял, что ему с ней делать.

2. ПОЯВЛЕНИЕ ДЯДЮШКИ ХЕЛСТРОМА

Однажды в предзакатный час, через три с половиной недели после изгнания из дома, Эскаргот случайно увидел свое отражение в витрине магазина Бизла и внезапно понял, что стал похож на бродягу, что куртка у него порвана, а брюки требуют стирки. Рубашка, которую он приобрел задолго до временного умопомешательства, приведшего его к женитьбе, совсем износилась, и ткань на локтях протерлась до состояния кисеи или даже паутины.

Эскаргот направлялся в библиотеку профессора Вурцла. Он перестал притворяться, что ходит туда за книгами. На Вдовьей мельнице у него была спрятана куча сочинений Дж. Смитерса – все книги Белых гор, полученные у Гилроя Бэстейбла в обмен на китовый глаз, – и он еще не прочитал и половины. Он ходил к Вурцлу в надежде встретить там Лету, вот зачем. И пока без какого-либо успеха. «Нет, вы только посмотрите на меня», – подумал он, рассматривая свое жалкое отражение в витрине Бизла. Будь у него такой вид месяцем раньше, он не стал бы переживать. Даже не подумал бы. Он бы скорее возгордился собой – посмеялся бы над Бизлом, который в своей накрахмаленной рубашке и галстук обходит на цыпочках лужи и смахивает со стульев пыль, прежде чем сесть. На кого, собственно, человек вроде Бизла рассчитывает произвести впечатление? На покупателей? На старых болванов, которые выражают недовольство по поводу пятен на побитых яблоках и возмущаются ценой сушеной фасоли? Еще месяц назад Эскаргот посмеялся бы над самим собой, когда бы вдруг забеспокоился по поводу своего внешнего вида. Кроме жены, ему было не на кого производить впечатление, а жена... Ну ладно, возможно, он не так преуспел в своих стараниях, как мог бы, подумал Эскаргот, глядя на свое плохо выбритое лицо, отраженное в витрине. Дверь магазина открылась, и широко ухмыляющийся Бизл высунул наружу свою круглую голову с напыженными светлыми волосами, стоящими дыбом напоподобие частокола.

– Теофил, – сказал Бизл. Он продолжал улыбаться, но заметно погрузнел, словно увидел своего друга в не лучшие для него времена или словно совершенно не обрадовался встрече с ним.

Эскаргот скрипнул зубами. Он терпеть не мог, когда его называли по имени, произнести которое правильно, похоже, не мог никто на свете. Однако он заставил себя улыбнуться Бизлу. Он ничего не добьется, если начнет набрасываться на каждого встречного. Кто знает, какие слухи ходят о его стычке со Стоувером, тем более что слухи мог распустить только сам Стоувер. Лета совершенно не походила на любительницу трепать языком, хотя ее версия случившегося была бы ближе к истине.

– Послушайте, старина, – сказал Бизл, криво усмехаясь, – я знаю, это щекотливая тема, но я наблюдал за вами из окна минуту назад, и вы выглядели... вы выглядели... неважно, если вы понимаете, о чем я. – С этими словами Бизл смерил Эскаргота взглядом, словно оценивая покрой его костюма. Эскаргот ждал, несколько озадаченный. – Я хочу сказать, знаете ли, вот что: какая работа поможет вам поправить ваше положение? Уборка помещений? Разноска продуктов? Эту витрину, я сейчас понимаю, не мешало бы помыть. – Лицо у него вдруг прояснилось, словно он собирался изречь нечто поистине умное. – Вполне возможно, – закончил он, округлив глаза, – ваше впечатление от увиденного в витрине в значительной степени объясняется загрязненностью стекла.

Эскаргот начал медленно кивать, словно соглашаясь с последним высказыванием Бизла, но потом потряс головой и улыбнулся в ответ. Если уж больше он ничего не может поделать, то по крайней мере сумеет превзойти Бизла по части улыбок.

– Сегодня я не ищу работу, Эвелин. – Он намеренно назвал Бизла по имени, которое звучало в восемь раз глупее его собственного. – Но я буду иметь в виду ваше предложение. Если я встречу каких-нибудь праздношатающихся деревенских пареньков, то отошлю их к вам.

Это пятнышко на вашем галстуке похоже на каплю земляничного варенья, верно? Моя жена, будь она трижды благословенна, ежечасно рассказывала мне, какие пятна остаются от всякого рода варений. Сначала замочите галстук в холодной воде – так она посоветовала бы вам. А потом намыльте его мылом и трите о стиральную доску, покуда не сотрете руки по локоть.

Эскаргот приподнял шляпу и пошел прочь, предоставив Бизлу изучать запачканный галстук. Он остался доволен состоявшимся разговором. Разумеется, Бизл желал ему добра. Просто он был туповат – счастливое свойство для человека, который ставит перед собой возвышенные цели. Профессор Вурцл, по крайней мере, не станет бесить Эскаргота указаниями на его плачевное положение. Похоже, Вурцл не меньше его ценил искусство ничегонеделания. Он превратил последнее в предмет исследования. Он срывал с деревьев и кустов листья, когда гулял в лесу, и делал вид, будто целью прогулки является именно сбор листьев. Потом профессор прикреплял к ним бирки и укладывал в ящик, бормоча время от времени о своем намерении открыть музей природоведения. Должность заведующего библиотекой позволяла ему сидеть в мягком кресле и, попыхивая трубкой, читать дни напролет.

Но когда Эскаргот пришел в библиотеку, профессор не читал и не курил. «Он взял сеть и отправился ловить саламандр», – сказал его молодой ассистент. Эскаргот поинтересовался, не видал ли ассистент юную леди, которая очень любит книги Смитерса.

«В течение последней недели – нет, – ответил юноша, ухмыляясь Эскарготу с таким значительным видом, словно они оба знают какую-то забавную тайну. – Ходят слухи, что она покинула городок. Старый Стоувер, говорят, уволил ее, и она вернулась на побережье. Она снимала комнату над таверной и уехала в тот же вечер, когда разругалась с хозяином». Молодой человек фамильярно подмигнул Эскарготу, а потом внимательно уставился на него, словно внезапно заметив что-то, чего еще минуту назад не замечал. Эскаргот резко расправил плечи и искоса посмотрел на паренька:

– Она говорила, что возвращается на побережье?

– Откуда мне знать? – спросил паренек, перегибаясь через стойку, чтобы взглянуть на ботинки Эскаргота. – Мне она ничего не говорила. Хотя это не значит, что не могла сказать. Раньше она мне много чего рассказывала.

– Да неужели, – вяло сказал Эскаргот, трясая головой и направляясь к выходу.

Внезапно он почувствовал, что устал таскаться по улицам в изношенном костюме, не имея никакого другого дела, кроме как вести неприятные разговоры с каждым, с кем он, на свою беду, сталкивался. В этом заключался один из минусов ничегонеделания. Будь он Бизлом, развозящим на велосипеде продукты, он мог бы кричать всякий вздор всем встречным, никого не раздражая. Он пользовался бы уважением, поскольку занимался бы делом. Трудолюбие является добродетелью, праздность почитается грехом. Это была одна из самых непостижимых тайн жизни.

В дверях Эскаргот едва не налетел на профессора Вурцла, которого все уважительно называли «профессором», хотя он закончил университет всего три года назад и никогда, насколько знал Эскаргот, не занимался преподавательской деятельностью. В прошлом Эскаргот тоже посещал университет, по крайней мере некоторое время. Университетское образование придавало... этой, как ее?... значимости человеку, ищущему богатую невесту. Вурцл держал в обеих руках по жирной саламандре, пятнистой и лупоглазой.

– Вы только посмотрите на эти экземпляры! – радостно прокричал он Эскарготу.

– Да, очень симпатичные.

– Первые в этом сезоне, сэр. Первые в этом сезоне. Такие крупные редко встречаются, во всяком случае к востоку от гор.

– Пожалуй, – согласился Эскаргот, остановившись на мгновение, чтобы полюбоваться животными. Потом, почти шепотом, он спросил: – Вы, случайно, не встречали где-нибудь Лету, а? Темноволосую девушку, которая читает Смитерса?

– Кого? – спросил Вурцл, наморщив лоб. Потом он пристально посмотрел на одну из саламандр, словно именно она разговаривала с ним или знала ответ на вопрос Эскаргота.

– Я уже сообщил все, что нам известно! – крикнул молодой человек из глубины помещения. – Ему лишь бы людей беспокоить!

– Знаете, – сказал Вурцл, лучезарно улыбаясь, – я соорудил для них клетку, которой поистине горжусь: там разные растения в горшках, маленькие пещерки и крохотный пруд. Хотите посмотреть?

– Спасибо, – сказал Эскаргот, боком выбираясь на улицу. – Но сейчас я спешу. Мне еще нужно проверить свои леса до наступления темноты. Может, потом как-нибудь?

– Конечно, – сказал профессор, уже войдя в библиотеку и снова любовно всматриваясь в одну из саламандр. – В любое время. Вы всегда найдете меня здесь – или, по крайней мере, мальчика. – Его голос стих, когда за ним захлопнулась дверь.

Эскаргот поплелся по улице по направлению к реке, глядя на носки своих ботинок, взбивающих крохотные облачка пыли, и предаваясь размышлениям, но думая не о конкретных вещах, а обо всем сразу – о дочери, о жене, о витрине Бизла, о Лете и Стоувере, и о глупых жирных саламандрах, столь высоко ценимых профессором Вурцлом. Казалось совершенно очевидным, что городок Твомбли недостаточно велик, чтобы вместить все это. И если Лета действительно отправилась на побережье, то, наверное, Эскагору самое время сделать то же самое.

Вечер обещал быть прохладным и дождливым. Темные от влаги дубы за рекой в сумерках казались почти черными, и туман уже устилал землю под ними подобием серого ватного одеяла. Эскаргот сел на поваленное дерево и устался на полосу леса на противоположном берегу, не думая ни о чем. Толстые леса, привязанные к веткам дерева, косо уходили в темную воду, сносимые в сторону течением. У самой поверхности воды на них налипли пучки водорослей, и время от времени плывущие по реке веточки, листья или ползатонувший кусок дерева наталкивались на одну из лес и, кружась, уплывали прочь, увлекая за собой большую часть водорослей.

Река поднималась. Казалось, она спешит к океану, с каждым днем все сильнее торопясь достичь места назначения. Эскаргот принялся размышлять о конечных целях любого путешествия. Ему пришло в голову, что с таким же успехом он сам мог бы плыть, кружась в водоворотах, по течению реки к побережью. Ему вдруг показалось, что многие годы он напрасно тратил время.

Стремление достичь места назначения – вот в чем секрет. Неважно, какого именно. Чудилось что-то пугающее в перспективе просидеть всю жизнь на одном месте, «прочно обосноваться». Возможно, в таком случае вы слишком ясно видите конец пути – все серые, безрадостные годы, тянущиеся чередой, подобно камням мощеной дороги, в конце которой, на заросшем сорняками кладбище, стоит последний камень, надгробный. «Движение, – думал Эскаргот, глядя на темные деревья прищуренными глазами, – искривляет и запутывает любой путь настолько, что в конце концов человек уже не помнит, откуда он начал, и не знает, к чему придет». Соблазняла именно перспектива вечно идти куда-то, занимаясь по пути мелкой меновой торговлей, чтобы всегда оставаться при табаке; порой, в случае крайней необходимости, мыть витрины и посвистывать в процессе работы; стягивать лишний пирог, охлаждающийся на подоконнике, и оставлять взамен ивовую флейту, или горсть стеклянных шариков, или корзинку, полную засоленной рыбы.

В то время как благоразумный селянин будет прятаться в своем доме, по ночам боязливо прислушиваясь к скрипу и шороху ветвей на ветру и пугаясь причудливых теней от спутанных виноградных лоз на темном дворе, Эскаргот будет разгуливать по дорогам и жить среди теней. Именно под его ногами прохрустит гравий среди ночи, каковой звук заставит селянина сесть в постели, задрожать от страха, склонить голову к плечу и напряженно прислушаться. Возможно,

он поплывет к Океанским островам и примкнет к пиратам или пойдет вниз по реке, чтобы найти сокровища в Лесу гоблинов.

Возможно... возможно, для начала он отправится на побережье и попытается найти Лету. Сейчас это казалось вполне подходящей целью. Через неделю, когда Хэллоуин уже пройдет и населяющие ночи колдовские чары отчасти рассеются, на побережье устроят ярмарку по случаю праздника урожая. Эскаргот живо представлял себя в шумной веселой толпе: костры на улицах; люди, эльфы и факельщики вперемешку с местными гномами; редкие компании гоблинов, которые, заливаясь идиотским смехом, бегут во все лопатки по улице после того, как напугали какого-нибудь трактирщика или дернули за волосы какую-нибудь бедную старушку. И там будет Лета, которая не сразу поймет, кто стоит рядом с ней. Он похлопает ее по плечу, и она обернется, страшно удивленная. А он улыбнется и скажет что-нибудь – что-нибудь остроумное. Что именно? Над этим следовало подумать. Он хотел хорошо подготовиться к такому ответственному моменту, иначе до конца жизни будет сожалеть, что брякнул какую-нибудь глупость.

Услышав плеск в двадцати футах от берега, Эскаргот восторженно схватил ближайшую лису, решив, что речной кальмар заглотил насаженного на крючок червяка. Туман поднялся выше. Теперь за рекой виднелись лишь призрачные кроны деревьев. Находившиеся в пятидесяти ярдах от Эскаргота пристани городка Твомбли скрылись в тумане, и вечер был тихим и безветренным. Из леса доносилось приглушенное расстоянием уханье совы, похожее на голос бесплотного духа. Ни на одной лесе ничего не оказалось.

В четырех-пяти футах выше по течению показалась усеянная шипами круглоголовая рыба, светящаяся подобно фонарю, которая лениво плыла к месту, где Эскаргот сидел на бревне. Она остановилась в пяти футах от него, а потом замерцала и поплыла прочь по течению. «Рыба-туманка!» – прошептал Эскаргот, медленно понимаясь на ноги и оглядываясь по сторонам в поисках сети. Было что-то странное в тумане – тяжелом, ленивом, который, казалось, выползал из леса, вместо того чтобы подниматься от реки. Он походил на порождение колдовских чар, населяющих мир об эту пору и знаменующих приближение Хэллоуина. В обычном тумане рыба-туманка никогда не появится. Эскаргот это знал точно.

Двумя минутами раньше он не мог бы с уверенностью предположить, что рыба-туманка вообще появится. Конечно, вы знаете разные истории – истории, которые рассказывают именно такими поздними вечерами в канун Хэллоуина, когда и рождаются легенды об огромных речных кальмарах, увлекающих рыболовные суда на дно в дельте Ориэли, у самого побережья; о русалках, обитающих на мелководье неподалеку от Монмотского мыса; об утонувших моряхках, которые ведут по реке призрачные корабли глубоко под водой, направляясь к неизвестному месту назначения. Существовало предание, что Ориэль является волшебным двойником другой огромной реки, находящейся в далекой волшебной стране. По ночам, когда колдовские чары тумана набирают особую силу (по крайней мере, так гласили предания), корабли, рыбы и самого разного рода глубоководные существа перебираются из одной реки в другую.

В книгах Дж. Смитерса было полно таких легенд: историй о стране, известной под названием Бэламния; подробных карт именно такой реки – реки, удивительно похожей на Ориэль, с точно так же расположенными по берегам деревнями и огромным, наводненным призраками лесом, сильно напоминающим Лес гоблинов, который тянулся вдоль реки к югу от Города у Высокой Башни. Эскаргот всегда находил любопытными сочинения Дж. Смитерса и карты, приведенные в его книгах. Профессор Вурцл утверждал, что Смитерс, живущий в деревне Бромптон на берегу Ориэли, естественным образом взял за образец знакомую реку. Все писатели, утверждал Вурцл, связаны представлениями о знакомом им мире, своими знаниями о нем. Они рабы своих представлений и наличествующих знаний. Но профессор Вурцл был слишком полон так называемого здравого смысла, чтобы удовлетворить Эскаргота подобными объяснениями. Вот и появление рыбы-туманки противоречило всякому здравому смыслу.

Эскаргот присел на корточки, схватив сеть. Мертвую тишину нарушало лишь приглушенное «тук-тук-тук», время от времени раздававшееся вдали, – вероятно, то стучал дятел. Вместе с туманом на землю спустилась тьма, и они медленно сгущались, покуда вся река не скрылась от взгляда, если не считать полоски неподвижной воды у самого берега, под ногами Эскаргота. Неподалеку блеснул свет еще одной рыбы-туманки, похожей на несомый ветром блуждающий огонек; потом чуть дальше проплыла еще одна – она свернула было к берегу, но потом с приглушенным плеском исчезла под водой.

Одна за другой медленно тянулись минуты; Эскаргот напряженно вслушивался в ночное безмолвие, зорко вглядывался в темноту и думал, что даже грязный пол Вдовьей мельницы и жалкая кучка поздних ягод да засоленной рыбы, ожидающих его там, начинают казаться страшно желанными и соблазнительными. Иные ночи хорошо проводить под открытым небом, вдруг понял он, а в иные не стоит и выходить за порог. Эскаргот в последний раз подергал за лесы, а потом повернулся спиной к реке и лицом к лугу, собираясь спрятать сеть в яме под бревном.

В туманной пелене внезапно образовалась брешь, и он увидел перед собой старуху, сторбленную под бременем лет, с глазами цвета тумана, пронизанного лунными лучами. Она опиралась на кривую палку и смотрела в пустоту невидящим взглядом. Потом она медленно повернулась и поковыляла прочь, мгновенно скрывшись за плотной серой завесой. Снова послышался стук, на сей раз ближе, и каждый следующий удар звучал чуть резче и отчетливее предыдущего – словно слепец постукивал палочкой по булыжнику мостовой, нащупывая дорогу. Легкий ветер шевельнул траву на лугу и взвихрил облачка тумана, закрутившиеся крохотным смерчем.

И тут же перед Эскарготом появилась Лета, словно возникнув из тумана, из самого ветра. Она стояла перед ним на лугу, а рядом с ней стоял гном в мятой шляпе с опущенными полями, с посохом и с широкой улыбкой на лице. В зубах он сжимал длинную трубку. От нее валил густой дым, напоенный странным ароматом водорослей, речного ила и пыльным запахом толченой сухой кости. Гном медленно подмигнул и приветственно дотронулся пальцем до шляпы.

Эскаргот потерял дар речи. С одной стороны, он видел перед собой Лету, вернувшуюся словно по волшебству; с другой стороны, над миром царила ночь, полная непостижимых тайн, – ночь слепых старух, разгуливающих по берегу реки, и гномов в мятых шляпах, подмигивающих, ухмыляющихся и курящих диковинные трубки. Несмотря на влажный воздух, во рту у него пересохло. Он с трудом прохрипел «привет» – и Лета улыбнулась, словно забавляясь тем, что застала его врасплох.

– Позвольте представить вам моего дядюшку, – промолвила она, указывая на гнома. – Мистер Эбнер Хелстром из Города у Высокой Башни. Я гостила у него в последнее время.

– Рад познакомиться, сэр, – с сомнением сказал Эскаргот, пожимая холодную руку гнома. Он похлопал себя по карману, внезапно почувствовав острую потребность выкурить трубку, набитую старым добрым табаком.

– Не желаете ли попробовать моего табака, мистер... прошу прощения?

– Эскаргот. Теофил Эскаргот, сэр, к вашим услугам. – Он ухмыльнулся Лете, жестом отклоняя кисет, протянутый гномом. – Боюсь, это слишком экзотично, на мой непритязательный вкус. По части табака у меня заурядные пристрастия. Самые заурядные.

Он успел заглянуть в раскрытый кисет гнома и мог поклясться, что среди спутанных сухих листьев увидел то ли крохотное щупальце осьминога, то ли розовый поросячий хвостик. Он не знал точно, что именно. Гном подмигнул и похлопал Эскаргота по руке. Потом маленький человечек взял его за локоть и повел наискосок через луг, направляясь к мельнице. Лета последовала за ними.

– Моя племянница говорит, что для вас наступили тяжелые времена.

– Тяжелые, но вполне терпимые, – сказал Эскаргот, задаваясь вопросом, каким боком его неприятности могут касаться этого лукаво подмигивающего дядюшки. Возможно, Лета питала к нему больший интерес, чем показывала. Да, вот в чем дело.

Внезапно Эскаргот уверился в своем предположении. Ее неожиданное исчезновение, а теперь появление... что это могло значить, если не беспокойство по поводу его печальной участи?

Он обернулся и широко улыбнулся девушке. Она улыбнулась в ответ и кивнула, словно прочитав его мысли.

– Но человек должен мириться с судьбой, – твердо сказал Эскаргот, толчком распахивая дощатую дверь мельницы.

Гном дружелюбно похлопал его по спине.

– Вот она, истинная сила духа! – Он обвел взглядом маленькое восьмиугольное помещение и покивал при виде заткнутых тряпками щелей в стенах и жалкого ложа, сооруженного из сосновой хвои. – Мириться с судьбой, – пробормотал он и печально потряс головой, словно искренне сожалея о заявлении, сделанном Эскарготом. – Собираетесь зимовать здесь, да?

Эскаргот бросил взгляд на Лету, внезапно устыдившись своего пристанища.

– Нет. Мне еще нужно уладить кое-какие дела. Человек не может сидеть сложа руки, так ведь? Раз уж вы знаете главное, остальное заключается в том, что я жду, когда разрешится вопрос с домом. Я хочу сказать – с моим домом. По крайней мере бывшим моим домом. Мне дали понять, что я его лишился. Общественное мнение на стороне моей жены, которой, с ребенком и всем прочим, нужно где-то жить. Я же с этим не спорю, верно? Я же не спрашиваю, почему бы моей дочери не отправиться со мной вниз по реке? Коли на то пошло, почему бы жене не уйти из дома, предоставив нам с Энни жить там? Ведь идея развестись принадлежала ей, верно? А вовсе не мне.

Эскаргот спохватился и умолк. Это были только его неприятности, и ничьи больше. И рядом стояла Лета, печальная, странно молчаливая. Внезапно Эскарготу пришло в голову, что ему следует пореже упоминать о жене и ребенке при ней. Все-таки зачем она разыскала его? Всяко уж не затем, чтобы выслушивать рассказы о его неурядицах. «Не предложить ли им сесть на пол», – подумал он, надеясь, что еще не слишком поздно, чтобы отправиться в город. Но единственная таверна, открытая в столь поздний час, принадлежала Стоуверу, а туда соваться вряд ли стоило.

– Вы говорили с судьей? – спросил дядюшка Хелстром, уминая табак в трубке и искоса глядя на Эскаргота.

– Я едва не дал ему в глаз. Лета присутствовала при этом. На самом деле в Твомбли нет особой нужды в судьях, поэтому на этот пост назначают добровольцев. Сейчас обязанности судьи отправляет один тип по имени Стоувер, уже три года. Никто больше не хочет занимать эту должность. Да и какой порядочный человек захочет? Сажать своего соседа в тюремную камеру за то, что тот выпил лишку. Отнимать у человека ребенка только потому, что судья, заметьте, имеет виды на жену означенного человека и видит в ребенке условие сделки. Нет, я не говорю с судьей.

– Что ж... – Гном понимающе кивнул. – Я не особо разбираюсь в подобных делах, но знаю известные, скажем так, способы, которые могу применить в данном случае. Вы меня понимаете?

– Пожалуй, – сказал Эскаргот, стараясь не выглядеть глупо. Дядюшка Хелстром резко возвысился в его мнении. Вот человек, ясно понимающий существо дела, смотрящий в корень. Неужели он поднялся по реке от Города у Высокой Башни единственно затем, чтобы протянуть руку помощи незнакомому человеку? Эскаргот вдруг осознал, что снова улыбается Лете. Она кивнула и ободряюще подмигнула, словно желая сказать, что Эскарготу – а возможно, и им обоим – следует полагаться на этого маленького человечка.

– Итак, сэр, – сказал гном, – я поднялся по реке от Города у Высокой Башни не единственно с целью сотворить благое дело. Мне хотелось бы сказать, что именно с такой целью, ибо, будь оно так, я стал бы лучше, чем есть. А любой из нас выигрывает – в моральном отношении, разумеется, – если становится лучше, правда?

Эскаргот с готовностью согласился с ним. Внезапно смирение и мудрость дядюшки Хелстрома показали ему безграничными.

– И в то же время я вижу собственными глазами и понимаю в глубине души, сколь бы несовершенна она ни была, что хороший человек не может так жить. Не может, если поблизости его ожидают дом и собственность, по праву ему принадлежащие. Нет, сэр, не может. И не должен. Поэтому ваше дело, я хочу сказать, надо считать более важным, нежели мое.

– Дядя! – воскликнула Лета таким испуганным голосом, что Эскаргот вздрогнул. Казалось, девушка вот-вот расплачется, словно подобное великодушие обещало обернуться несчастьем для дядюшки, словно в своем беззаветном милосердии гном заботился о благополучии другого человека больше, чем о своем собственном.

– Успокойся, детка! – сказал гном, ударяя посохом по полу с выражением благородной решимости на лице. К удивлению Эскаргота, окованный медью конец посоха высек из земляного пола искры, при виде которых дядюшка Хелстром, казалось, окончательно укрепился в своем решении, каким бы оно ни было. Эскарготу, разумеется, еще предстояло выяснить, какие мотивы движут благодетелем. Он напомнил себе о своих принципах.

Но он не мог позволить дядюшке Хелstromу превзойти себя по части великодушия. По крайней мере, надлежало сделать вид, будто он сопротивляется. В конце концов, рядом находилась Лета, которая, вероятно, надеялась, что в недрах души Эскаргота таятся неразработанные месторождения, изобилующие изумрудами благородства и рубинами самопожертвования.

– С моим делом, – твердо сказал Эскаргот, – придется подождать до утра. До позднего утра. Наш Стоувер встает поздно. Поэтому, сэр, поведайте мне о своем деле. Я полностью к вашим услугам.

Гном на мгновение задумался, словно борясь с лучшими своими побуждениями, а потом кивнул:

– Моя племянница много рассказывала мне о вас, молодой человек. – Он немножко помолчал, заглянул в чашечку своей зажженной трубки и еле заметно улыбнулся, словно был рад увидеть, как просветлело лицо Эскаргота при упоминании о племяннице. – Она говорит, что у вас с ней много... как бы получше выразиться?... скажем так, общих интересов. И что вы вели серьезные разговоры об искусстве и философии.

Эскаргот кивнул, страшно довольный, что его называли философом. Это был поистине замечательный дядюшка. Его странная наружность объяснялась просто эксцентричностью. А в эксцентричности Эскаргот не видел ничего плохого. Ему и самому нравилось считать себя слегка эксцентричным.

– Она упомянула, любезный, о некоем мешочке с шариками. Красными агатовыми шариками. Размером чуть больше среднего; такого рода шарики дети обычно называют «пульками». Кажется, Лета сказала, что вы купили их у бродячего торговца.

– Совершенно верно, – подтвердил Эскаргот, смутно встревоженный неожиданным поворотом разговора. Он невольно похлопал по мешочку, спрятанному под курткой.

– Я считаю своим долгом сказать вам, что это очень ценные шарики, молодой человек. Очень ценные шарики. Берегите их как зеницу ока.

– Спасибо, – сказал вдвойне озадаченный Эскаргот и слегка подскочил от удивления, увидев, что Лета стоит рядом с ним, вырисовываясь черным силуэтом в дверном проеме.

Туман снаружи вдруг рассеялся и теперь бледными клочьями кружился на ветру. Внезапно серебристая луна на мгновение проглянула сквозь туманную завесу, похожая на исчезающую под водой рыбу-туманку, и темные волосы Леты засияли слабым отраженным светом.

В тот миг показалось, что кожа у девушки почти прозрачная, что она не живой человек, а призрак или изящная фарфоровая кукла столь тонкой работы, что фарфор напоминает матовое стекло. Туман снова сгустился, застав мерцающую луну, и Эскаргот обнаружил, что Лета положила руку ему на плечо и смотрит на него пристальным многозначительным взглядом. Он ухмыльнулся дядюшке Хелстрому и потупил глаза, с ужасом заметив, что язычки обоих ботинок у него предательски выбились из-под шнурков и что отворот на одной брючине оторвался и волочится по земле.

– Моя дядя хочет сказать... – серьезно начала Лета.

– Лета, девочка моя, – перебил ее дядюшка Хелстром голосом, полным сомнения. – Я действительно не...

– Он хочет сказать, что эти шарики оченьгодились бы ему сейчас. В настоящее время он проводит разные опыты, крайне важные опыты, и по причинам, мне не вполне понятным, именно эти шарики имеют для него огромное значение.

– Именно так, – вставил дядюшка Хелстром, принимая серьезный вид.

– На самом деле, – продолжала Лета, – меньше трех месяцев назад шарики принадлежали ему. Они были украдены у него из лаборатории, расположенной в окрестностях Города у Высокой Башни, и, по всей видимости, проданы бродячему торговцу, о котором вы мне тогда рассказали в таверне.

– Ох, ну надо же, – пробормотал Эскаргот, толком не зная, что еще сказать.

– Я отправилась вниз по реке, если хотите знать правду, чтобы предупредить дядюшку. – Тут Лета залилась слезами и закрыла лицо ладонями.

– Ну полно, полно, – сказал Эскаргот, обнимая девушку за плечи и слегка прижимая к себе. Дядюшка Хелстром вновь заглянул в чашечку своей трубки.

– Нельзя же просто явиться к человеку и начать требовать, верно? – заговорил гном. – Вы честно купили шарики, и они, как я уже заметил, не имеют цены, особенно для ученого вроде меня. Где вы их храните, кстати? В банковском сейфе?

– Да нет, – начал Эскаргот, чувствуя тяжесть мешочка на груди. – Не совсем. То есть я собирался сделать нечто подобное, но, честно говоря, в связи с последними событиями и прочими делами...

– Конечно, конечно, конечно, – сказал дядюшка Хелстром. – Я все отлично понимаю. Но надеюсь, вы не потеряли их?

– О нет, нет. Они в целости и сохранности. Прошу прощения. – С этими словами Эскаргот стянул с себя куртку, передернувшись при виде своего локтя, торчащего из дыры на протертом рукаве рубашки, и снял с шеи мешочек с шариками. – Они ваши, сэр. Возьмите. Я заплатил за них гроши. И в любом случае я больше не отношу себя к числу собственников.

– Вы слишком добры, – сказал гном, жестом отклоняя шарики. – Но у вас нет причин выказывать такое великодушие.

– А у вас нет причин великодушно вызываться поговорить с мистером Стоувером завтра утром, верно?

Дядюшка Хелстром пожал плечами:

– Вот что я скажу вам, юноша. Я дам вам один совет. Меня восхищает ваше презрение к собственности – нет ничего более восхитительного, насколько мне известно. Но человеку надо питаться, так ведь? И человек не должен спать на куче сосновой хвои, верно? Поскольку, как бы вы ни уминали свое ложе, все равно с полдюжины иголок впиваются в ваше тело ночь напролет. А это что такое? – спросил он, указывая ногой на глиняный горшочек с засоленной рыбой, стоящий на камне рядом с постелью из сосновой хвои. – Ваш ужин? Похоже, некогда он был живым. Что это было, рыба? Даже гоблины не стали бы есть такое, вы согласны? Нет, сэр, человек может отказаться от собственности. К черту собственность. Но он не вправе губить свое здоровье. Он не вправе отказываться – от чего он не вправе отказываться? – от облагора-

живающего воздействия хорошей пищи и кружки эля. Вот здесь, сэр, здесь достаточно золотых монет, чтобы вы смогли пережить зиму. А шарики приберегите на черный день. Вот мой вам совет. Если у вас есть голова на плечах, вы сумеете разумно распорядиться ими и хорошо обеспечить себя. Я обойдусь. Скорее всего, я в любом случае не доведу свои опыты до конца. Я... Тише, дитя мое, – сказал он Лете, которая вновь расплакалась, а потом испустил невыразимо тяжелый вздох.

– Возьмите шарики! – вскричал Эскаргот. – В любом случае я из-за них только мучусь по ночам кошмарами. Что, собственно, мне делать с ними – ловить на них рыбу? А эти деньги, сэр... на самом деле в них нет никакой необходимости...

– Конечно, необходимость есть. Потерпи я крушение в жизни и приди к вам за помощью, что тогда? Неужели вы дали бы мне горсть монет, а потом забрали бы? Нет, вы бы так не поступили. Деньги не имеют никакого отношения к шарикам. И не могут иметь. Стоимость шариков нельзя выразить в деньгах. Они волшебные, не побоюсь сказать. Волшебство нельзя купить за деньги, во всяком случае, волшебство такого рода. Но я возьму их, на время. Я настаиваю. Давайте не будем обсуждать это. Вы получите шарики обратно через неделю. А пока в качестве залога возьмите это. – Дядюшка Хелстром залез в карман плаща и вытащил мешочек, перевязанный тонким кожаным ремешком. – Это, мой мальчик, волшебный амулет правды. Вам нужна правда, и вы ее получите – да еще какую!

Эскаргот взял мешочек и потянул за ремешок, задавшись вопросом, как выглядит амулет правды. Он представил себе заводные челюсти, щелкающие зубами, вроде тех, которые вы покупаете в потешной лавке и подкладываете жене на подушку шутки ради.

– Не открывайте мешочек здесь! – воскликнул дядюшка Хелстром, кладя ладонь на руку Эскаргота. – Старайтесь вообще не открывать его. В нем заключается мощная магическая сила, а с магией лучше не связываться без крайней необходимости. Вы меня поняли?

Эскаргот кивнул и отдал шарики гному, а себе на шею повесил мешочек с амулетом правды.

– Вообще-то, в залоге нет необходимости, во всяком случае, когда речь идет о друзьях.

– Я бизнесмен в своем роде, – рассудительно сказал гном. – Как говорится, бизнес – это бизнес, а дружба совсем другое дело. Я прошел суровую школу жизни, мой мальчик. – Тут он потряс головой и устремил на Эскаргота взгляд, каким мог бы удостоить ученика учитель, сделавший убедительное и веское умозаключение.

– Это книги Смитерса? – спросила Лета, овладевшая собой.

– Да. Взгляните на верхний экземпляр – «Лунный человек».

– О-о-о... – сказала Лета, открыв книгу на фронтисписе. – Здесь страница рукописи. И подпись автора. Везет же вам.

– Хотите взять ее себе?

– О, я не могу.

– Конечно, можете. Просто не кладите книгу обратно. Как знать, возможно, однажды вы позволите мне проведать ее.

– В любое удобное вам время, – сказала девушка, улыбаясь и закрывая книгу.

Эскаргот чуть не упал. «Так-то лучше», – подумал он, вспомнив холодный благоразумный отпор, полученный от Леты всего несколько дней назад. Вероятно, он произвел на девушку более сильное впечатление, чем думал. Дядюшка Хелстром кивнул и снова широко улыбнулся, явно довольный обхождением Эскаргота с его любимой племянницей.

– Значит, где-то через неделю я верну вам мешочек с шариками. Я загляну к вам – ладно? – и вы сможете угостить меня кружечкой эля. А потом я угощу вас. – Засим гном вынул из плаща карманные часы и взглянул на них с нескрываемым удивлением. – Поздно, поздно, поздно, – сказал он, прищелкнув языком. – Нам пора идти, правда? Пойдем, племянница. Кстати, завтра в десять часов утра ваш Стоувер узнает обо мне. На вашем месте я бы нанес

ему визит и поставил ребром вопрос о вашей собственности. Думаю, я могу поручиться, что он признает справедливость ваших доводов.

Гном и девушка вышли в ночь и, не оглядываясь, удалились, скрылись в тумане, унося с собой шарики и подписанную книгу Смитерса, а Эскаргот остался стоять на пороге, вдруг поняв, что они трое все время стояли, что в силу своего бедственного положения он даже не смог предложить другу стул. Он похлопал по карману, полному денег, а потом взял горшочек с рыбой и вышвырнул его за дверь. Ладно, завтра он увидится со Стоувером. Он снимет комнату над его таверной, вот что он сделает, и выпьет пинту-другую эля, с удовольствием глядя на перекошенную от злости физиономию Стоувера. А если он примется выражать недовольство, возможно, он даст ему разок в пятак – для профилактики.

Эскаргот улегся на кучу хвои, обернул ноги одеялом, поплотнее закутался в куртку и стал смотреть, как догорают три свечи, превращаясь в маленькие кучки воска. Наконец он начал погружаться в дремоту, думая о Лете и о последних приятных событиях. Мысли у него путались, туманились, и в сгустившемся в сознании тумане плавало лицо, смутно казавшееся знакомым, наблюдавшее за ним, смотревшее хитрым и злобным взглядом. Так и не успев пробудиться настолько, чтобы опознать лицо, рассмотреть получше, Эскаргот заснул, впервые за долгое время не мучась ночными кошмарами.

3. СТОУВЕР ДОБИВАЕТСЯ СВОЕГО

По пробуждении Эскаргот увидел ясное небо раннего утра. Ночной туман рассеялся, далекие холмы сбросили с себя туманный покров, и на востоке всходило огромное жаркое солнце. Был идеальный день для ничегонеделания, для купания в реке – то есть идеальный, если человек не знает, куда девать время, и не имеет лучшего места для купания. Но человек с полным карманом денег, человек, водящий дружбу с мистером Эбнером Хелстромом, – такой человек может провести время с большей пользой для себя.

– Пора расстаться с постелью, – вслух сказал Эскаргот, после чего принялся горсть за горстью выносить из своей комнатухи сосновую хвою и высыпать на траву за дверь. Потом он расстелил на полу одеяло, положил на него посередине все книги Смитерса, кроме одной, завязал углы узлом и, взвалив тук на плечо, направился к реке. Похоже, с учетом всех обстоятельств, для него настало время подыскать себе жилье получше.

На реке Эскаргот вытянул из воды свои лесы, намотал одну за другой на толстую палку, надежно закрепив все крючки, и спрятал последнюю вместе с рыболовной сетью под бревном. Потом уселся на солнышке, прислонившись спиной к бревну, и раскрыл «Каменных великанов» Смитерса. Он быстро пролистал страницы, останавливаясь и разглядывая иллюстрации, и наконец нашел место, где идет сражение между лунными эльфами и каменными великанами, борющимися за власть в стране Бэламнии, и лунные эльфы, кружащие в небе на своих воздушных кораблях, в отчаянии творят свои грозные заклинания. Земля колеблется, горы с грохотом раскалываются, и великаны проваливаются в расщелины и разбиваются насмерть, а капли их крови летят в реку и застывают в воде, превращаясь в маленькие шарики, похожие на охлажденное вулканическое стекло.

Эскаргот особенно любил рассказы о событиях, происходивших в незапамятные времена, в таком отдаленном прошлом, когда могло случиться все, что угодно. Тогда воздух был напоен магией до такой степени, что ветер пел, когда шевелил листья деревьев или пролетал над ивами на речном берегу. Тогда Луна находилась еще довольно близко к Земле, и человек мог забраться по длинной лестнице (типа такой, наверное, с помощью которой факельщики собирают фрукты в своих садах) достаточно высоко, чтобы дотронуться до нее. Сочинения Смитерса изобиловали подобными преданиями. С какого места вы начинали читать книгу, на самом деле значения не имело. Все они являлись частью одной великой истории, которая началась в туманном прошлом и до сих пор не закончилась; и не имело ни малейшего значения, начали ли вы читать с главы двенадцатой, где повествуется о прибытии войска полевых гномов к месту битвы при Вэнгли-Бри, или же с главы сорок второй, где рассказывается о светлых эльфах, отправившихся на своем летательном аппарате на Луну, чтобы исследовать изумрудные пещеры Зеленого Короля. Одним словом, в книгах Смитерса было полно рассказов о самых разных приключениях, и за три часа, которые оставались у Эскаргота до визита к старому Стоуверу, он успел прочитать лишь малую толику оных.

Но Эскарготу не терпелось нанести визит Стоуверу. После десяти часов он вдруг поймал себя на том, что снова и снова поглядывает на часы, всякий раз надеясь, что с последнего раза, когда он смотрел на них, прошло больше времени, чем оказалось в действительности, и придумывает, отбраковывает и снова придумывает варианты разговора, который состоится у него с хозяином таверны при встрече. Наконец он встал, снова увязал книги в одеяло, взвалил тук на плечо и направился к городу, насвистывая сумбурный мотивчик.

Стоувер стоял на дощатом тротуаре возле таверны и белил обшитую досками стену здания, стирая щеткой брызги известкового раствора с камней фундамента. Эскаргот с минуту наблюдал за ним с противоположной стороны улицы. При виде хмурой физиономии Стоувера он почувствовал странное удовлетворение. Сия недовольная гримаса наводила на мысль, что

больше всего на свете хозяин таверны не любит белить стены. Разумеется, он мог нанять сколько угодно деревенских мальчишек или девчонок, которые сделали бы побелку. Но при одной мысли о необходимости платить Стоувер багровел: все, что угодно, только не это, лучше уж белить стены самому. Эскаргот неторопливо подошел к нему, продолжая насвистывать.

– Занимаетесь побелкой, да? – весело спросил он.

Старик смерил его взглядом:

– Если у меня останется что-нибудь после того, как я закончу, я побелю и вас тоже. Но не стоит особо рассчитывать на успех, сэр, ибо для того чтобы скрыть всю грязь, покрывающую бродяжек вроде вас, потребуется, самое малое, ведро известкового раствора.

Эскаргот не был готов к оскорбительным выпадам в свой адрес. В воображаемых разговорах, которые он вел с хозяином таверны сегодня утром, именно он оскорблял Стоувера, а последний заламывал руки и вежливо извинялся. Он заставил себя улыбнуться еще шире:

– Лета все еще снимает комнату наверху?

Стоувер уставился на него и потряс головой – не в форме ответа, а с таким видом, словно Эскаргот задал такой глупый вопрос, на который и отвечать не стоило.

– На самом деле я не удивлен, – сказал Эскаргот. – Полагаю, она сыта по горло таверной Стоувера. Но мне лично здесь нравится. Я думаю, что человек вроде меня может расширить свой кругозор, изучая человека вроде вас, который, говорят, является столпом местного общества.

– Убирайтесь, – сказал Стоувер.

– Я говорю совершенно серьезно. Если Лета съехала, я сниму освободившуюся комнату.

– Я не сдаю комнаты, во всяком случае, в таверне. Однако я действительно имею возможность выхлопотать вам комнату – в Монмотской тюрьме, и совсем по дешевке. А вместе с ней вы получите чистый костюм. Оставление жены и ребенка, сэр, обходится в год тюремного заключения. Нарушение общественных приличий, разумеется, обходится в месяц или два. А если вы настроены применить физическое насилие – а я нисколько не сомневаюсь, что вы настроены, – мы сможем договориться на всех пяти годах и ударить по рукам. Так что я вам советую собрать свои манатки и убраться из города.

Разговор принял нежелательное направление. Вероятно, дядюшка Хелстром еще не беседовал со Стоувером.

– Надо полагать, мой поверенный еще не связывался с вами?

– О чем, собственно, вы говорите?

– Вы не разговаривали сегодня утром с мистером Эбнером Хелстромом, моим адвокатом?

– К черту мистера Эбнера Хелстрома. Я ни с кем не разговаривал. Слабо верится, что человек с таким именем вообще может существовать. И вам уже слишком поздно нанимать адвокатов, даже воображаемых. Это вас не спасет. Теперь вас ничто уже не спасет. Ваша жизнь пошла прахом, и вы должны винить во всем лишь свою лень. Мистер Эбнер Хелстром! Почему не мистер Эбнер Мелстром? Если вы собираетесь придумывать несусветные имена, разбойник вы этакий, то придумайте что-нибудь получше. А теперь убирайтесь прочь! Проваливайте и предоставьте мне заниматься делом.

– Сначала я куплю кружку эля, – сквозь зубы процедил Эскаргот. Было ровно одиннадцать часов. Он получит свою кружку эля от Стоувера – или свернет ему шею. Он получит свою кружку эля, а потом свернет ему шею.

Старик посмотрел на него, внезапно погрузнев.

– Боюсь, кружка эля сегодня утром стоит довольно дорого, – сказал он, трясая головой. – Мне пришлось немного повысить цены – эль вам явно не по средствам, если я могу судить о средствах подобного вам человека.

– Не можете. – Эскаргот вынул из кармана горсть золотых монет, с дюжину разом, и бросил к ногам Стоувера. Они засверкали в солнечном свете самым приятным образом. Потом вдруг, непонятно почему, они зашевелились и задрожали, словно пробуждаясь от сна. Золотое сияние померкло, и Эскаргот увидел просвечивающие сквозь монеты доски настила. В следующее мгновение монеты исчезли, и под ногами Стоувера засуетилась дюжина черных жуков; старик подпрыгнул и заплясал на месте, давя насекомых. Эскаргот оцепенел от удивления, не в силах рассмеяться напоследок издевательским смехом, который мысленно репетировал все утро. – Золото гоблинов, – пробормотал он.

– Что? – проорал Стоувер. – Убирайтесь прочь, говорю вам! Ваши деньги явно стоят не больше, чем ваша жалкая душа. Теперь убирайтесь, или, клянусь небом, я врежу вам этой щеткой и засажу вас в тюрьму!

Эскаргот попятился – но не от страха, а от непроходящего удивления. Монеты бесследно исчезли. На досках настила валялись раздавленные жуки. Кто такой этот дядюшка Хелстром? Он повернулся и медленно пошел прочь туда, откуда пришел, внезапно перенеся свой гнев с вопящего Стоувера на дядюшку-гнома. Золото гоблинов, да? Амулеты правды. Жизненно важные опыты. Он произведет кое над кем жизненно важный опыт при посредстве дубинки.

– Подождите! – крикнул Стоувер, выходя на проезжую часть улицы.

Эскаргот повернулся и посмотрел на него волком, сохраняя каменное выражение лица. Стоувер отступил на тротуар, явно готовый в любое мгновение юркнуть в таверну и запереть дверь на засов.

– Завтра, – торжествующе сказал старик, – вы можете явиться в контору мистера Смиггла на Сосновой улице. Вам выплатят треть стоимости вашего дома и вашего имущества, – разумеется, за вычетом денег на ремонт и на воспитание ребенка. Вы не заслуживаете ничего. Но женщина, брошенная вами, исполнена решимости заплатить вам, – разумеется, при условии, что вы согласитесь отказаться от общения с ребенком. Раз и навсегда.

Эскаргот испепелил Стоувера взглядом:

– Мы еще увидим, кто на что согласится.

– Вы увидите небо в клеточку! – проорал Стоувер вслед Эскарготу, который побрел обратно на луг. Все его планы рухнули, все его шарики пропали. Сначала гоблины, потом золото гоблинов. Одно с другим увязывалось, верно? Эбнер Хелстром! Стоувер был прав. Эскаргот выставил себя дураком. Он несколько не сомневался, что половина жителей Твомбли наблюдает за ним сейчас – они пялятся в окна, прикладывают ладони к ушам, чтобы лучше слышать. А как же Лета? Неужели все было спланировано еще много недель назад, когда он впервые увидел девушку в библиотеке Вурцла? Знай Стоувер обстоятельства дела, он сказал бы, что Эскаргот расплачивается за свои грехи, за свой мечтательно блуждающий взор, за свою водянистую душу. И возможно, он был бы прав.

Эскарготу потребовалось полторы минуты, чтобы убедить себя в обратном. Какой бы ни была правда, Стоувер ее не знал. Стоувер был морщинистой жабой, мерзким клопом, гадюкой, назойливым, узколобым, сгорбленным старикашкой, который, к несчастью, действительно мог засадить Эскаргота в Монмотскую тюрьму. Навсегда отказаться от общения с дочерью! Они готовы заплатить, чтобы он от них отвязался, да? Эскаргот яростно пнул куст травы, и от резкого движения тюк с книгами развязался. Тома Дж. Смитерса разлетелись по всему лугу; шелестя страницами, с глухим стуком попадали на землю, усыпанную остатками ложа из сосновой хвои.

Эскаргот пнул куст еще раз, просто со зла. Будь это книги любого другого автора, он бы поплясал на них, попинал бы их, растерзал в клочья, а потом выбросил бы все двадцать пять томов в реку – за одно то, что они поступили с ним так вероломно. – «Почему, – подумал Эскаргот, – он не пошел сначала в лавку Бизла и не потратил деньги на костюм и пару башмаков?» Это солнечный свет превратил золото гоблинов в дрянь, из которой оно и было

создано. В темном помещении лавки оно осталось бы золотом. Тогда это стало бы проблемой Бизла. Но Эскарготу слишком не терпелось насладиться корчами Стоувера, вот в чем дело. Да, искатель приключений из него получился хоть куда: обобранный гномом в мятой шляпе, введенный в заблуждение милым личиком, изгнанный из города хозяином таверны и вышвырнутый – подумать только! – из собственного дома женой, которая целых два года бесила его своими пирогами.

Эскаргот наклонился, подобрал с земли книги и снова уложил на одеяло. Когда он выпрямился, кожаный мешочек легко ударил в грудь. Он увязал книги в тьюк, торопливо вошел в помещение мельницы и закрыл за собой дверь. Магия не магия – он посмотрит, что это за амулет правды. Скорее всего, вещица ничего не стоит. Конечно, она ничего не стоит. Иначе и быть не может. Вероятно, там окажется пара заводных щелкающих челюстей. Лета со своим мнимым дядюшкой наверняка сейчас помирает со смеху. Эскаргот распустил ремешок на мешочке и вытряхнул на ладонь увесистый амулет. Это был камень – округлый сероватый камень, испещренный прожилками аметиста и кварца, с вырезанным на нем глазом с полуприкрытым веком, который, казалось, вот-вот подмигнет.

С виду камень, безусловно, походил на волшебный амулет, ничего не скажешь. Однако оставалась вероятность, что это амулет гоблинов, изготовленный потехи ради. Возможно, он даже представляет опасность. Но с какой стати, подумал Эскаргот, Лете или гному желать ему зла? Похоже, они хотели единственно похитить у него шарики для неких непонятных целей. По крайней мере, прошлой ночью он не видел никаких страшных снов, только подернутое туманной дымкой лицо. Лицо гнома, вот чье. Лицо странного дядюшки Хелстрема. Ну конечно. Последняя мысль немного испугала Эскаргота. Кто же такой этот дядюшка, со своим табаком из водорослей и окованным медью посохом, выбивающим искры из земли? Надо полагать, какой-то чародей! А подписанный том Смитерса! Проклятье! Лета улизнала с подписанным томом Смитерса, оставив взамен камень, украшенный дурацкой резьбой.

Эскаргот положил амулет на подоконник маленького окна, выходящего на реку. За окном на легком ветру медленно вращались крылья мельницы, пролетая мимо одно за другим.

– Скажи мне, амулет правды, правду или ложь пишет Дж. Смитерс в своих книгах? – Амулет правды лежал на подоконнике, залитом солнцем. Эскаргот попробовал еще раз: – Каково настоящее имя Эбнера Хелстрема? – Ничего не происходило. – Какого цвета у меня рубашка? – спросил Эскаргот. – Она прямо перед тобой, амулет правды. – Камень молчал. – Я круглый дурак, – сообщил Эскаргот амулету. – Я потерял все, что имел и хотел иметь; и если ты хочешь знать правду, в половине случившегося виновато мое тщеславие. Больше чем в половине. Именно мое тщеславие.

Он взял амулет и положил его обратно в мешочек. Он остался с никчемным мертвым куском камня. Он будет носить его на шее всю жизнь, решил Эскаргот, как постоянное напоминание о горьких плодах тщеславия. Он станет великим праведником и будет странствовать по дорогам вдоль реки, худея, питаясь червями, посыпая пеплом голову. Нарисовавшаяся в воображении картина внезапно показалась Эскарготу смешной и нелепой. Казалось, даже башмаки смеялись над ним, с самым пренебрежительным видом высовывая свои языки. Старый горбатый Стоувер со своими молитвенными собраниями, жена с ее драгоценными пирогами, Вурцл с саламандрами – по всей видимости, все они, заключил Эскаргот, родились на свет, чтобы выкидывать разные коленца на потеху богам. И дядюшка Хелстром, хмуро подумал Эскаргот. Ладно, сам он больше не станет откалывать никаких штук. Он отправится вниз по реке, вот что он сделает, как только получит деньги от адвоката Смиглза. Возможно, он возьмет с собой Энни, наплюет на закон. Они могут пуститься за ним в погоню, коли пожелают, но это будет поистине жаркая погоня. А если он случайно встретится с дядюшкой Хелстромом, волшебник он или нет, то расквасит коварному гному нос.

Эскаргот повесил мешочек на шею, застегнул рубашку и отправился в лес за сосновой хвоей для нового ложа. Но на полдороге он отказался от своего намерения. Он вообще не ляжет спать сегодня ночью. Всю ночь он будет строить планы дальнейшей жизни. А завтра утром он заберет у Смиглза свои деньги, купит лошадь и съестные припасы, доедет по тянущейся вдоль реки дороге до Города у Высокой Башни и остановится там в гостинице. Если кто-нибудь там знает Эбнера Хелстрема, Эскаргот незамедлительно отправится к гному. А если нет, значит, вся эта история послужит для него хорошим уроком, верно? Эскаргот вытащил из тюка «Каменных великанов» и зашагал к реке.

Погода в тот вечер была не такой, какой обещала быть. Солнце, с утра взошедшее во всем своем великолепии, подернулось дымкой и потускнело, и снова еще до наступления темноты над рекой поднялся туман, и погруженный в вечерние сумерки мир словно замер в тревожном ожидании. Когда Эскаргот поймал себя на том, что напряженно шурится и наклоняет книгу то в одну сторону, то в другую, силясь рассмотреть строчки в тусклом свете, он сдался. Он снова чувствовал в воздухе нечто странное. Возможно, дело было в том, что стояла осень; а возможно, и в том, что приближалась ночь Хэллоуина. Луна медленно поднималась над темной стеной леса, то появляясь в разрывах туманной пелены, то вновь исчезая. А один раз, когда Эскаргот случайно посмотрел на небо, какая-то тень мелькнула на фоне бледного лунного диска, – вероятно, летучая мышь. Но тень походила скорее на ведьму на помеле, нежели на летучую мышь.

Эскаргот на мгновение задался вопросом, что именно он увидел там, но сразу вернулся к мыслям о маленькой Энни. Он мог тайно проникнуть в дом и умыкнуть завернутую в одеяльце малышку. Наплевать на все висячие замки, навешенные на дверь женой. Ему ничего не стоит взять с собой в путешествие столь легкую ношу, и дочка достаточно любит его стряпню, чтобы оставаться пухленькой. Эскаргот улыбнулся при воспоминании о том, как лихо она уплетает овсяную кашу, не обращая ни малейшего внимания на попадающиеся комки. Когда она подрастет, у нее будут мозолистые ножки и глаза, зоркие, как у сокола. Она научится определять время по ветру, станет понимать эльфийские наречия и нечленораздельное верещание гоблинов. Что из нее получится, коли она вырастет в Твомбли, под бдительным присмотром великого и могучего Стоувера? Эскарготу даже думать об этом не хотелось. Он должен выкрасть девочку. Другого выбора у него нет.

Разумеется, на первых порах придется нелегко, ведь она еще такая маленькая. В конце концов, впереди у него трудные дороги, полные опасностей – и весьма нешуточных. Что он станет делать, если на полпути к Городу у Высокой Башни встретится с гномом или с той самой шайкой гоблинов, которая напала на него неделю назад? Ему придется действовать быстро, а с ребенком на руках он вряд ли сможет действовать достаточно быстро. Что же он станет делать тогда? Положит малышку под куст, словно ежа? А если она попадет в руки гоблинов, когда ее отец будет лежать, истекая кровью, на дороге? Что тогда?

У Эскаргота прямо голова пухла. Слишком много разных «если» приходило на ум. Он сидел, подперев кулаком подбородок, и смотрел на темную реку. Она все так же несла свои воды к океану, не замечая Эскаргота, нисколько не озабоченная бедами людей на своих берегах. Нет, он должен плыть по течению, вершить свой путь вместе с рекой. Возможно, ему на роду написано одиночество. Порывистый ветерок, холодный и резкий, дунул Эскарготу в затылок. Он зябко поежился и поднял ворот куртки, но холод проникал сквозь одежду, словно дело было вовсе не в ветре, а в зловещем присутствии чего-то или кого-то, стоявшего в гробовом молчании у него за спиной. Эскаргот сидел скованный страхом, почти готовый ощутить прикосновение к своему плечу, холодное дыхание на щеке. «А-а-а!» – завопил он, резко оборачиваясь и отскакивая от бревна на скользкий берег. Он заскользил к воде, уцепился за ветку и упал на одно колено в тину. Позади него ничего не было – никакой старухи с белесоватыми

глазами, опирающейся на клюку. Что бы там ни излучало зловещие волны минуту назад, оно бесследно исчезло.

Эскаргот осознал, что дрожит всем телом. А когда он попытался трясущейся рукой натянуть кепку пониже, то лишь сорвал ее с головы и уронил в водоросли. А что бы произошло, мрачно подумал он, если бы здесь действительно кто-нибудь появился, тем более будь с ним маленькая Энни? Наверное, в приступе страха он бросил бы малышку в реку.

На лугу в тумане вспыхнул свет фонаря. Эскаргот поморгал, подумав поначалу, что по берегу разгуливает рыба-туманка. Но то была не рыба-туманка. Яркий, как рождественские огни, свет лился со стороны Вдовьей мельницы, хотя, насколько Эскаргот знал, никто, кроме него самого, никогда не навещал заброшенную мельницу. Несколько мгновений он смотрел на огонь, ожидая, не заколешется ли он, не придет ли в движение. Возможно, кто-то вышел на луг и заглянул на мельницу – в поисках Эскаргота, не иначе. Может, это дядюшка Хелстром, подумал он, прищуривая глаза. С учетом всех обстоятельств, он не испытывал особого желания встречаться с гномом туманной ночью.

Но он должен посмотреть, что там, верно? Если, скажем, это шайка разбойников или бесчинствующих гоблинов, он поднимет тревогу. Эскаргот переполз через бревно и прокрался по травянистому склону к мельнице, низко пригибаясь к земле и напряженно вглядываясь в туман. Он слышал тихий скрип бесцельно вращающихся на легком ветру решетчатых крыльев ветряка, отсоединенных от механизма зубчатой передачи, заржавевшего и развалившегося на части в прошлом году. Свет мерцал и дрожал, словно фонари были без стекол или словно свет исходили и не фонари вовсе, а штук сто свечей, пламя которых трепетало на ветру, дующем в разбитое окно.

Порывистый ветерок пролетел над лугом, на мгновение разорвав туманную пелену. Эскаргот упал на живот на мокрую траву, частично скрытый склоном холма. На мгновение он увидел небо на востоке, окрашенное в пурпурный цвет зари, и россыпь бледных звезд, мерцающих и постепенно меркнущих в преддверии рассвета. Пока туман не сгустился вновь и не застил от взора мельницу, Эскаргот медленно приподнялся на руках и вытянул шею. Вполне возможно, он увидит кого-нибудь в окне. Если там окажется дядюшка Хелстром, он... Ну, он не знал толком, что он тогда сделает. Но Эскаргот увидел в окне лишь фонарь из тыквы с прорезанными отверстиями в виде глаз и рта, растянутого в ухмылке. Перед ним со свистом проносились длинные крылья ветряка, которые словно рубили на кусочки лучи света, исходящие из рта и из глаз тыквенной головы. Было непонятно, почему фонарь обращен в сторону луга. Разве для того только, чтобы привлечь к мельнице кого-то? Был ли то сигнальный огонь? Эскаргот решил держать ухо востро: кто знает, какие существа скрываются в ночной тьме? Он пополз вперед, вновь скрытый покровом тумана.

С мельницы донеслись приглушенные голоса. Послышались сдавленный смех, потом предостерегающее шиканье, и бормотание возобновилось, порой звуча чуть громче, порой совсем стихая. Определить, сколько всего голосов тихо переговаривались и хихикали там, не представлялось возможным, – самое малое, три. Наконец Эскаргот заключил, что голоса – низкие и хриплые – принадлежат мужчинам, но тотчас переменял свое мнение и решил, что они принадлежат женщинам, вероятно ведьмам. Один голос, впрочем, был чуть выше остальных – знакомый голос, очень приятный, по правде говоря.

Эскаргот застыл на месте. Он узнал голос. Он должен заглянуть в окно. На мельнице имелось еще одно окно, на втором этаже, но добраться до него по скользкой дощатой стене не представлялось возможным за отсутствием опор для рук и ног – разве только он вскарабкается по одному из крыльев ветряка. Но он выдаст свое присутствие шумом. Они застукают его на полпути, совершенно беззащитного. Если его обнаружат внизу, на земле, он сможет по крайней мере дать деру.

Эскаргот пополз вперед, радуясь, что туман приглушает шорох травы и опавших листьев на лугу. Он прижался ухом к стене под подоконником, но не услышал ничего, кроме тихого напевного бормотания на гортанном наречии, понимать которое он не желал. Подняв глаза, Эскаргот увидел на подоконнике, рядом со светящейся тыквой, черного кота, пристально смотревшего в ночь. Он сжался в комок, не сводя взгляда с животного. Пугать его не стоило. Вероятно, не стоило и привлекать к себе его внимание. Похоже, кот наблюдал за крыльями мельницы, приводимыми в движение легким ветром, так же зачарованно, как наблюдал бы за бумажным бантиком, пляшущим на веревочке.

Затем кот стремительным прыжком преодолел четыре фута, отделявшие его от крыльев ветряка, вцепился когтями в потрескавшуюся от времени решетчатую лопасть и взмыл вместе с ней в туман... Эскаргот следил за пролетающими над головой крыльями мельницы – первое, второе, третье, четвертое, пятое; вскоре он начал считать по следующему кругу. Кот исчез, – вероятно, рыскал по верхнему складскому помещению в поисках мышей.

Эскаргот подполз к самой стене, не забывая о лопастях, вращающихся у него за спиной. Еще не хватало, чтобы одна из них размозжила ему череп. Он поднялся на ноги, держась за подоконник, и заглянул в окно. Там горело с полдюжины фонарей из тыкв, расставленных по периметру помещения. Посреди комнаты на земляном полу сидели, подогнув под себя ноги, три ведьмы, поочередно бросавшие огромный костяной кубик на украшенную резьбой доску. Леты среди них не было. Но Эскаргот не сомневался, что услышал именно ее голос среди прочих. Подле закрытой двери на куче горящего хвороста стоял железный котел. Дым костра смешивался с паром, поднимавшимся от котла, и в воздухе висело розовое облако, из которого, по мере конденсации пара, обратно в котел падали капли, похожие на кровавый дождь. У двери стояли четыре помела.

Одна из ведьм была чудовищно толстой, с мясистым лицом и заплывшими жиром глазами. Она сидела на полу – ни дать ни взять, слишком туго набитая тряпичная кукла в бесформенном балахоне – и пальцами, похожими на жирных червяков, шевелила над кувыркающимся по доске кубиком. Рядом с ней лежал кожаный мешочек – кожаный мешочек Эскаргота! На землю из него выкатилось несколько шариков.

– Эй! – от неожиданности крикнул Эскаргот, страшно удивленный и исполненный решимости вернуть свой мешочек.

Толстая ведьма широко ухмыльнулась, словно обрадовалась, что он заглянул на огонек, словно ждала его. Она взяла один из шариков, немного полюбовалась им при фонарном свете, а потом бросила в котел, который громко зашипел, задымился и выпустил к потолку облако вонючего пара; оно закружилось по маленькому помещению, распространяя тошнотворный запах крови.

Эскаргот отпрянул, случайно столкнув фонарь с подоконника в комнату. Он услышал глухой удар тыквы о земляной пол как раз в тот миг, когда одно из крыльев мельницы пронеслось у него за спиной, ободрав ему затылок и задев по уху. Следующая лопасть, подгоняемая внезапным порывом ветра, подхватила Эскаргота за куртку сзади, и торчащие прутья обломанной решетки, словно пальцы, вцепились ему в воротник и в волосы.

Не успев даже крикнуть, Эскаргот взмыл по широкой дуге вверх – вслед за котом, проделавшим тот же путь чуть ранее. Он судорожно шарил в воздухе заведенными назад руками, пытаясь ухватиться за хлипкую решетку крыла. Безусловно, эта штука должна остановиться под тяжестью его тела – либо остановиться, либо просто-напросто обломиться. Он покатится вниз по склону холма со свернутой шеей. Эскарготу удалось упереться пяткой в одну из перекладин решетки и схватиться правой рукой за планку над головой. Выскользнуть из куртки будет нетрудно, но он сильно сомневался, что захочет сделать это, – по крайней мере, пока не опустится чуть ближе к земле.

Поэтому он продолжал судорожно цепляться за крыло, которое набрало скорость на спуске и чуть замедлило движение на подъеме; из мельницы доносился кудахтающий смех. Перекладина у него под ногой хрустнула; пятка проломила перекладину, уперлась в следующую и проломила ее тоже. Куртка затрещала, и Эскаргот сполз на дюйм ниже, чувствуя мучительный приступ тошноты. Крыло вновь достигло высшей точки и стремительно полетело вниз, к лугу. Эскаргот непроизвольно вскрикнул, ожидая, что сейчас разобьется в лепешку о землю. Потом он вновь взмыл вверх с сильным порывом ветра, который, казалось, внезапно превратился в ураган. Туман завивался тонкими струйками вокруг его головы, постепенно бледнея и рассеиваясь, а он кружил все быстрее и быстрее, оборот за оборотом; луг, лес, холмы и красное зарево заката вихрем проносились у него перед глазами, сливаясь в одно расплывчатое пятно. Наконец, одуревший от головокружения Эскаргот, подвешенный к крылу мельницы за ворот куртки, нелепо вздернутой к плечам и шее, резко остановился на самом верху, прямо напротив окна на втором этаже.

Там на дощатом полу сидел кот, сжимавший в лапах съжившуюся от страха жирную мышь. Он играл с ней – то выпускал из когтей, то подхватывал зубами, – а потом вдруг вперил взор в болтавшегося за окном Эскаргота, который в ужасе таращился на кота, теперь ясно понимая, что фонарь из тыквы и в самом деле выставили на окно вниз, чтобы привлечь к мельнице кого-то: Эскаргота. Кот пошел рябью, расплылся, задрожал, увеличился в размерах, снова сократился – а потом в мгновение ока превратился в Лету, которая сидела на полу, держа в руках подписанный том Дж. Смитерса, изодранный и грязный, с оторванным переплетом, висевшим на нескольких длинных нитках. Потом она опять обернулась котом, трясущимся от беззвучного смеха, сжимающим в зубах мышь. Крылья мельницы дрогнули, пришли в движение и сделали еще один оборот; а когда Эскаргот вновь завис напротив верхнего окна, он увидел ухмыляющуюся Лету, в глазах которой отражался красный свет зари. Она опять вся пошла мелкой рябью, замерцала и превратилась в черного кота, а потом – в сторбленную старуху с белесоватыми глазами и седыми волосами, похожими на паутину.

Куртка треснула в последний раз, и крыло ветряка изогнулось под тяжестью Эскаргота, когда он ухнул вниз, судорожно шаря руками по сторонам в отчаянной попытке уцепиться за что-нибудь, пробивая пяткой хрупкие перекладины решетки одну за другой. Он сорвался в пустоту, налетел на следующую лопасть, проскользил по ней и рухнул на землю. Потом он вскочил на ноги и во весь дух помчался через луг к дороге, навстречу милым сердцу огням городка Твомбли. Эскаргот не имел ни малейшего желания оглянуться назад и, вполне возможно, превратиться в камень под действием колдовских чар. Он бросился напрямик к дому Смиглза и безостановочно колотил кулаками в дверь, пока старый Смиглз, в ночной рубашке и колпаке, с растрепанными седыми волосами, не распахнул дверь с проклятием.

– Завтра уже настало, – выдохнул Эскаргот. – Давайте мои деньги.

4. «РАЗДАВЛЕННАЯ ШЛЯПА»

К тому времени когда у него перестала кружиться голова, Эскаргот уже успел проскакать не одну милю по дороге вдоль реки на непокладистой лошади, купленной слишком поспешно и слишком дорого. Тянувшийся по правую руку лес казался мрачным и темным; земля под дубами и кустами болиголова была усыпана красно-коричневыми листьями и утыкана трухлявыми пнями. Солнце еле ползло по небу, словно изнывая от усталости и собираясь нырнуть в реку; время от времени на него наплывали медлительные облака, и тогда дневной мир погружался в полумрак.

Эскаргот был голоден. Даже засоленная рыба, которую он выбросил на луг (когда это было, неужели только позапрошлой ночью?), начинала казаться ему крайне соблазнительной. Дважды он останавливался, чтобы набрать ягод, но стояла поздняя осень, и ягоды были сморщенными или совсем мелкими, – возможно, они спасали от голодной смерти, но простой голод не утоляли. Среди прелой листвы и пожухлой травы, устилавших землю под деревьями, во множестве росли грибы, и будь у Эскаргота, например, немного масла и чеснока... Но масла у него не было, как не было и ни малейшего желания жевать сырые грибы. Он хотел жареного мяса с картошкой или мясного пирога с миской соуса.

Много недель по дюжине разных причин Эскаргот собирался покинуть Твомбли. И вот теперь его выгнали из города – по крайней мере, так казалось – и в довершение ко всему выгнали голодным. Когда он наконец принялся обдумывать последние события, все случившееся показалось ему не лишенным смысла. Вполне вероятно, все напасти последнего времени насылались на него с некоей целью. Во всяком случае, его бегство из города явилось результатом всех предшествующих преследований и притеснений. Ведьмы отлично справились с делом, напугав его до полусмерти и заставив покинуть город, – но куда он бежит? Вниз по реке, по следам гнома и старухи – или Леты? Или обеих? Или всех троих? У Эскаргота путались мысли.

В глубине души он не верил, что Лета – ведьма, что она и слепая старуха – один и тот же человек. Но зрелище, прошлой ночью представшее перед ним в окне мельницы, убеждало в обратном. «Вполне возможно, всеми своими сомнениями я обязан единственно моему тщеславию», – подумал Эскаргот. Он определенно предпочитал верить, что вовсе не явился жертвой розыгрыша, что редкие, но восхитительные знаки внимания Лета оказывала ему совершенно искренне.

Он взял с собой мешок с одеждой и съестными припасами, купленными на деньги, полученные за дом. Свои книги Дж. Смитерса он отдал профессору. Эскаргот случайно встретился с ним в городе рано утром. Профессор возвращался с реки, где собирал водоросли для аквариума и обнаружил кустики гомункулусовой травы в маленькой заводи в двух милях от деревни. Немного, конечно, но с полдюжины ростков пошли в семя, и сквозь тонкие полупрозрачные стенки стручков уже можно было рассмотреть расплывчатые очертания человечков-невеличек. Вурцл собрал достаточно ростков для исследования, а потом столкнулся на дороге со странным гномом в мятой шляпе с опущенными полями. Гном щедро заплатил за гомункулусовую траву и шуточно заявил, что собирается размолоть крохотных человечков в порошок и употребить в качестве табака.

Профессор Вурцл продемонстрировал Эскарготу мешочек с золотыми монетами, который и предложил за книги Смитерса. Но Эскаргот нисколько не сомневался, что монеты, извлеченные из мешочка, смогут пригодиться разве только Стоуверу, который с удовольствием еще раз проделает физическое упражнение, состоящее в топтании жуков. Поэтому он отдал книги профессору во временное пользование – все, кроме «Каменных великанов» – и погнал коня вдоль реки в сторону Города у Высокой Башни, чувствуя все еще слишком высокую концен-

трацию колдовских чар в воздухе, чтобы сидеть на месте сложа руки. По дороге он никого не нагнал и ближе к вечеру поехал неспешной рысью, раскачиваясь в седле и предаваясь невеселым размышлениям.

Если он поедет достаточно быстро, то поспеет на побережье к празднику урожая. Скорее всего он не найдет там ничего, что помогло бы раскрыть хоть одну из тайн, но тогда у него появится хотя бы цель путешествия. Дома у него больше нет. Это ему дали понять очень ясно. Когда он вернется в Твомбли – если он вернется в Твомбли, – маленькая Энни даже не вспомнит, кто он, собственно, такой. Вопрос стоял так: либо он похитит девочку, либо оставит ее в покое. Оставить малышку в покое было благоразумнее. Вне всяких сомнений. Уводящая вдаль дорога – не лучшее место для ребенка. А что касается перспективы вырастить из Энни дитя природы, умеющее определять время по ветру, то, вполне вероятно, дети природы – всего лишь невежественные грязные существа с сухими ветками в спутанных волосах. Ребенок должен ходить в школу, играть с друзьями и слушать сказки на ночь.

Или правда в том, что Эскаргот не очень-то и хотел взять дочь с собой? Он бы точно не поспел в Город-на-Побережье к празднику урожая, будь с ним Энни. А куда приведет его дорога странствий после побережья? На Очарованные острова? В Белые горы? Он должен сделать свое дело – вот в чем правда; и Энни ему здесь не помощница. Эскарготу хотелось, чтобы правды было поменьше. Чем больше правды открывалось, тем больше сомнений возникало.

Посему мысль о цели путешествия выступила на первый план, стала более существенной, чем мысль о родном доме на холме над городом, который в последние недели уже начал превращаться, подобно золоту гоблинов, в некий смутный и чуждый образ. Единственной реальной связью Эскаргота с Твомбли теперь оставались книги Смитерса, отданные во временное пользование профессору Вурцлу. Однажды он вернется и заберет их. К тому времени он будет носить черную повязку на глазу и бороду; он явится в городок в экзотических лохмотьях и треугольной шляпе с поднятыми полями. Он навестит Энни и узнает, как она поживает.

В настоящее время, однако, Эскаргота тянуло в Город-на-Побережье. Там, по крайней мере, он сможет получить некоторое представление о том, насколько достоверны рассказы Дж. Смитерса о празднике урожая. Эскарготу слабо верилось, что там действительно сжигают ведьм. Такого рода вещи казались невероятными. Но с другой стороны, в последнее время произошло достаточное количество вполне невероятных событий.

Вскоре после четырех часов пополудни воздух посвежел, тени почернели и удлинились, а дувший с реки ветер стал достаточно холодным, чтобы у Эскаргота застучали зубы. Придорожная вывеска сообщила, что он находится еще в целых двадцати милях от Города у Высокой Башни и что в миле от реки, по пути к Маквикеру, находится трактир. «Наемные комнаты в» Раздавленной шляпе «», – гласила вывеска, под которой на медных крючках болталась грубо вырезанная из дерева широкополая шляпа с лентой, выведенной краской вокруг приплюснутой тульи. Означенный постоялый двор находился в миле от дороги. Возникла дилемма: переночевать в трактире или провести ночь на голой земле, мучась от голода и постоянно поглядывая одним глазом, нет ли поблизости гоблинов.

Эскаргот дернул поводья и пустил лошадь рысью по лесной тропе, говоря себе, что, на худой конец, он получит теплую постель и бутылку пива в возмещение всех неудобств. Подъехав на закате к трактиру, он обнаружил, что не в силах перекинуть ногу через коня, чтобы спешиться. Обе его ноги, по всей видимости, затекли за день путешествия верхом. Эскаргот серьезно кивнул стоявшему в ожидании конюху, тупорылому парню в комбинезоне, со ступнями размером с крышку от котла. У того было неприятное, хмурое выражение лица, словно он только что вспомнил о том, как однажды по ошибке выпил стакан скипидара, приняв последний за содовую воду.

Эскаргот попытался перекинуть через коня правую ногу, но безуспешно. Правая нога онемела не меньше левой. Он начал медленно наклоняться в сторону всем корпусом и наконец свалился на траву под действием силы земного притяжения.

Конюх самодовольно ухмыльнулся и кивнул, словно ожидал чего-то подобного. Лошадь двинулась вперед, устремив взгляд на поросший клевером участок лужайки. Эскаргот принял сидячее положение, чувствуя себя страшно глупо.

– На вашем месте я не стал бы подходить к ней сзади, – сказал парень, взяв лошадь под уздцы.

– А что такое? – спросил Эскаргот, сильно сомневаясь, что он вообще когда-нибудь еще сможет «подойти» к чему-либо. Он весь задеревенел, как вчерашняя рыба, и был уверен, что ему придется поглощать ужин стоя.

– Не подходите к ней сзади на близкое расстояние, иначе она может лягнуть вас.

– Лягнуть меня? Зачем ей, собственно, меня лягать?

– Они лягаются забавы ради, эти лошади. – И парень потрепал лошадь по холке, похоже, от души восхищаясь животным, которое лягается забавы ради. – Она лягнет вас прямо в ухо, и вы откинете копыта.

Эскаргот отполз на несколько футов в сторону. Он чувствовал себя так, словно только что съехал на заднице с каменистого склона холма.

– Так почему бы вам не отвести ее в конюшню, приятель, чтобы она не болталась в опасной близости от меня?

– И вы ничего не сможете с нее взыскать. Лошадь нельзя последовать в судебном порядке.

– Вы хотели сказать «преследовать», – поправил Эскаргот. – Так уведите животное. Вам ведь именно за это и платят, не так ли? Или в ваши обязанности входит раздавать советы на лужайке?

Он с трудом поднялся на ноги, разбитый и раздраженный, отряхнул колени, а потом снял свои переметные сумы с седла и взвалил их на плечо. Конюх с лошадью скрылся за углом трактира.

Эскаргот направился к трактиру, высокому зданию с множеством затейливых карнизов и балкончиков. Оно стояло на заросшей сорняками лужайке, завалившись набок и одним углом съехав с осыпавшегося, осевшего фундамента. Все здание наклонялось в сторону реки; окна и двери сидели в рамах косо, и в широких щелях весело свистел ветер. Почти на всех окнах висели драные занавески, и даже с лужайки было видно, что в последний раз их стирали лет двадцать-тридцать назад, – вероятно, примерно в то же время, когда в последний раз красили стены. Над передним крыльцом висела выцветшая вывеска с надписью «Раздавленная шляпа» – поразительно подходящее название для подобного заведения.

Оно представляло собой полную противоположность уютному, уютному плющом домику, который рисовало Эскарготу воображение. Если в трактире и были другие постояльцы, то они умело прятались. Во всяком случае, никто не сидел на веранде в плетеных креслах, – возможно потому, что у кресел отсутствовали сиденья, от которых местами остались лишь полусгнившие разрозненные ивовые прутья.

У колокольчика на крыльце не было язычка, но сама дверь оказалась приоткрытой, поэтому Эскаргот, предварительно прокричав в щель приветствие, взялся за ржавую дверную ручку и надавил на нее. Перекошенная дверь, плотно притертая к порогу, даже не дрогнула. Он толкнул еще раз, подергал дверную ручку, покричал, а потом с полдюжины раз пнул дверь в самом низу, где она зацепилась за порог; с каждым следующим ударом дверь чуть подавалась внутрь и наконец с грохотом распахнулась. У подножия крутой, завалившейся набок лестницы стоял мужчина, с маленьким срезанным подбородком, в белом фартуке. У него были крохотные тонкие усики, казалось купленные на дешевой распродаже, устроенной погоревшим торговцем.

– Эй, вы, – сказал мужчина с недовольной гримасой, – нечего тут хулиганить.

– Дверь заело, а колокольчик не работает. Я кричал, но похоже, никто меня не слышал.

– Я слышал, разве нет? Вот он я, стою перед вами. Здесь вам не город, приятель.

– Надеюсь, вы простите меня? – спросил Эскаргот, устыдившись, что пинал дверь.

– К чему спешка, спрашивается? Здесь не принято кланяться и расшаркиваться. Здесь вам не город. Я человек бедный.

– Вы правы. Приношу свои извинения и все такое. Никакой спешки. Ровным счетом никакой.

– Тогда ладно, – сказал мужчина в фартуке. – Вам нужна комната, так?

– И ужин, если можно.

– Ужин тоже?

– И то, и другое, – сказал Эскаргот, осматривая неопрятный интерьер трактира.

Все вокруг покрывала пыль, в том числе и мужчину в фартуке. По внимательном рассмотрении оказалось, что мужчина обсыпан мукой и держит в руке измазанную тестом ложку. Эскаргот одобрительно посмотрел на ложку.

– Замешиваете тесто, да? Наверное, печете пирог? – Он улыбнулся. Ссориться не имело смысла. В любом случае мужчина был прав. Ближайший населенный пункт находился во многих милях отсюда. Здесь был не город, где человек может сбегать в лавку Бизла и купить новый колокольчик, когда у старого отвалится проржавевший язычок. Здесь была глухомань, медвежий угол.

– Пирог?

– Ну да, из теста и всего такого. Я подумал, может быть, пирог...

– Крысы, – сказал мужчина, взглянув на ложку, а потом снова на Эскаргота. – Я замешиваю отравленное тесто, которое использую в качестве приманки. Терпеть не могу крыс. – Он внезапно содрогнулся, словно от озноба. – Они изгрызли угол веранды, изгрызли мои кресла. Они сгрызут все, в том числе нас с вами.

Эскаргот медленно кивнул и снова огляделся по сторонам:

– Ладно, забудем о пироге. Сойдет любая еда. У вас не найдется лишней бутылочки эля, а?

– Ни одной, к сожалению. Ни одной. Но есть сидр, если вы пьете сидр. Далеко держите путь?

– В данный момент в Город-на-Побережье. А сидр – это замечательно. Но я бы хотел убрать куда-нибудь свои сумки, прежде чем поужинать.

– Хотите положить какие-нибудь ценные вещи в сейф? Это самое надежное место. Почем знать, кто может остановиться в гостинице вроде моей. Пустынная дорога и все такое. Я дам вам расписку на любую вещь, вверенную моему попечению. Надежно как в банке.

– В любом случае спасибо, – сказал Эскаргот. – А здесь есть постояльцы, кроме меня? Дорога кажется пустынной.

– Ни одного. О чем я и говорю. В нынешнее время путешествовать небезопасно, верно? Гоблины и все такое. И разбойники с большой дороги. Только в прошлый вторник у Маквикера повесили троих таких ребят, но это меньше половины шайки. Кто знает, может, вы тоже из них. Вот почему я держу сейф. Я рассуждаю так: если вы кладете в сейф свои ценности, значит, вы не скроетесь с моими. Но человек, не желающий воспользоваться такой удобной вещью, запросто может оказаться вором, который с утра пораньше улизнет с моим столовым серебром. Улавливаете мысль?

– Это очень умно. – Эскаргот покивал головой. – Мне бы хотелось иметь что-нибудь, что я мог бы положить в ваш сейф. Я бы спал спокойнее, если бы знал, что мои ценности хранятся в надежном месте. Но я не из тех путешественников, для которых изготавливают сейфы. Дайте

мне комнату и немного еды, и завтра на рассвете я уеду. К счастью, сегодня я в состоянии заплатить по счету.

– Хорошо, – сказал хозяин трактира, поворачиваясь и направляясь прочь по узкому коридору. – Любая незапертая комната на втором этаже.

На втором этаже царили разруха и запустение: покоробившиеся доски пола, потрескавшаяся штукатурка на стенах. Комнаты, тянувшиеся вдоль открытой галереи, находились примерно в таком же состоянии. Эскаргот вошел в одну и сразу вышел прочь, увидев огромную крысу, которая метнулась в угол и исчезла в норе, прогрызенной в плинтусе. Следующая комната как две капли воды походила на первую, только крысиных нор в стенах здесь вроде не было, поэтому Эскаргот бросил сумку на кровать и сел рядом, задавшись вопросом, а не оказывается ли любая достигнутая цель путешествия чуть менее привлекательной, чем представлялась в самом начале пути?

Он нагнулся, заглянул под кровать и облегченно вздохнул, не обнаружив крыс и там. Он подошел к треснувшему грязному окну, затянутому паутиной, и выглянул на задний двор, где его лошадь щипала траву возле полуразрушенного сарая. Сразу за сараем начинался лес, темный и тихий в сгущающихся сумерках. Сидр. Этого следовало ожидать. Человек скачет по пустынной дороге с рассвета до заката и к вечеру уже готов убить за бутылку эля – даже за бутылку паршивого эля, какой обычно продают в трактирах вроде «Раздавленной шляпы». И что находит покрытый пылью, усталый путник, умирающий от жажды? Сидр и отравленный пудинг для крыс, проживающих в соседней комнате.

Эскаргот снова плюхнулся на кровать, откинулся на спину и вытянулся во весь рост. Он достаточно устал, чтобы заснуть и тем самым избавиться от необходимости беспокоиться по поводу ужина, – неплохой вариант с учетом всех обстоятельств. Но он не собирался позволить хозяину трактира отделаться от него, так ничем и не накормив; а потому пообещал себе, что вздремнет буквально минутку, а потом спустится вниз и зальет в себя немного сидра.

Получасом позже Эскаргот, вздрогнув, пробудился в темноте и рывком сел, ударив ногой по спинке кровати и выбив заменявший ножку угловой столбик, который с громким стуком упал на пол. Ему померещился какой-то шум – словно кто-то гремел дверной ручкой, пытаясь открыть дверь. Но теперь все стихло. Вполне вероятно, он толкнул ногой спинку кровати во сне и проснулся от грохота упавшего столбика – вот и хорошо, ибо в противном случае он бы проспал до полудня. Эскаргот машинально нащупал кожаный мешочек на груди, в котором лежали деньги и амулет правды. Они пребывали в целости и сохранности, – без сомнения, в гораздо более надежном месте, нежели сейф хозяина. Расписка, ну конечно. Только с ней одной он и остался бы поутру; амулет правды и деньги исчезли бы, а у него взамен осталась бы расписка.

Эскаргот зажег масляную лампу, стоявшую у кровати, и вынул из-за пазухи амулет правды. Он с минуту пристально смотрел на него и в конце концов почувствовал себя полным дураком. Как может украшенный резьбой камень говорить правду? Как он вообще может говорить? У него нет рта. Но камень действительно походил на амулет правды – или, во всяком случае, на какой-то амулет. «Возможно, – подумал Эскаргот с внезапным воодушевлением, – он и не должен никому ничего говорить. Возможно, он отвечает лишь на вопросы определенного рода – вопросы, на которые можно ответить только «да» или «нет». О чем он спрашивал амулет прежде? Просил обстоятельно высказаться по поводу достоверности рассказов Дж. Смитерса. Разумеется, он ничего не ответил. Чего Эскаргот ожидал от камня, научного доклада?»

Он поставил амулет на маленький столик под лампу. Казалось, камень впитывает желтый свет, словно кирпич воду; вырезанный глаз смотрел пристально и выжидательно. Эскаргот откашлялся.

– Мне следовало взять с собой маленькую Энни? – спросил он, готовясь услышать ответ, который нисколько не хотел услышать. Но камень молча лежал в желтом свете лампы. – Лета

ведьма? – Ничего не произошло. Может, на вопросы отвечает глаз? Может, он подмигнет, когда Эскаргот случайно скажет правду? – Что... – начал Эскаргот, но тут дверь с грохотом распахнулась, и в комнату стремительно ворвался хозяин трактира с разделочным ножом в руке.

За ним в дверном проеме, злобно щурясь и решительно стиснув зубы, стоял тупорылый конюх в закатанных до колена штанах. Эскаргот хотел схватить амулет, чтобы спрятать в карман, но случайно столкнулся с каменем со столика, и тот откатился к окну. Он бросился за ним и споткнулся об отвалившийся столбик кровати. Он нагнулся, поднял тяжелый обтесанный брусок и пригрозил им хозяину таверны, который предпринял попытку обойти Эскаргота сзади, чтобы тот оказался между ним и конюхом.

– Мы собираемся ограбить тебя! – прокричал хозяин таверны, обнаруживая поразительное прямодушие. – Мы грабим почти всех, кто здесь останавливается, да! А потом избиваем до полусмерти. Последнего постояльца мы отвезли в Маквикер и сказали, что он пытался ограбить нас, и его вздернули как вора. Тебя тоже повесят. Вот увидишь!

Пораженный сей речью, Эскаргот изумленно смотрел на мужчину, держа в руке брусок, словно биту.

– Я это заслужил, – неожиданно для себя согласился он. – И не только это. Я оставил свою дочь на попечение ужасной матери и сторбленного лицемерного проповедника – и мне ничего не остается, как бежать. Вы понимаете, что это значит?

Хозяин таверны кивнул. Очевидно, он хорошо понимал, что это значит. Конюх тоже кивнул, после чего вошел в комнату и двинулся к кровати, словно собираясь перебраться через нее и наброситься на Эскаргота с другой стороны.

– Я хотел, чтобы твоя лошадь лягнула тебя там, во дворе, – сообщил он, злобно косясь на Эскаргота. – Одна такая лошадь уже лягнула меня. Причем не один раз. Чуть мозги не вышибла. Но я не почувствовал боли – больно стало только на следующий день. Я ненавижу лошадей.

– Я не питаю ненависти к лошадям, – сказал Эскаргот, – но я терпеть не могу свою жену. И не только из-за пирогов. Она целыми днями меня доставала. Сделай то, сделай это. Я не знал ни минуты покоя.

Хозяин таверны сделал выпад, резко выбросив вперед разделочный нож. Эскаргот отпрянул в сторону, и нож прошел мимо живота, лишь распоров рубашку на боку. Он широко размахнулся и треснул хозяина брусом по плечу. Конюх завопил и бросился на него, но Эскаргот ткнул парня концом бруска в грудь, и у того захватило дух от удара. Он рухнул на пол, хрипя и задыхаясь.

– Ой, больно! – крикнул хозяин таверны. Он пошатнулся и схватился за плечо, едва не оттяпав себе ухо зажатой в руке рукой. – Когда-то у меня была жена, и она убежала ночью со странствующим торговцем шляпами. Я нагнал беглецов у реки и дубасил мерзавца, дубасил, дубасил – топтал ногами его и все его паршивые шляпы, пока они не пустились наутек по дороге, вереща, словно кипящие чайники. Эти двое, я имею в виду, а не шляпы. А я вернулся, переименовал свой трактир и поклялся, что изобью еще не одного человека, покуда есть силы. Именно этим я и занимался с тех пор.

Конюх отполз назад на пару футов, опасливо поглядывая то на дубинку в руке Эскаргота, то на полное решимости лицо последнего.

– Сейчас я собою тебя с ног! – крикнул он, бросаясь Эскарготу под ноги. Воспользовавшись моментом, хозяин таверны прыгнул вперед с занесенным ножом, злобно ощерившись и сузив глаза, ставшие маленькими, как у свиньи.

Эскаргот попытался треснуть парня дубинкой по голове, но она была слишком длинной для ближнего боя и потому просто отскочила от пола, а он повалился на спину, яростно отбиваясь ногами от конюха. Левой рукой он схватился за другой конец бруска и вскинул

его вверх, навстречу сверкнувшему в полумраке ножу, который вонзился в дубинку посредине. От сильного толчка она обрушилась на затылок парню, а нож вырвался из руки хозяина таверны. Эскаргот откатился в сторону, неловко ударив себя дубинкой по колену, а потом втиснул ее между собой и навалившимся сверху конюхом, который в попытке укусить его за плечо яростно терзал зубами ткань куртки.

– Я ненавижу тебя! – завопил парень, отпуская Эскаргота. – Я всех ненавижу!

Эскаргот резко отвел дубинку в сторону, с удивлением заметив, что в ней по-прежнему торчит нож. Хозяин таверны прыгнул за ножом, но схватился не за рукоятку, а за лезвие и завопил от боли. Эскаргот проворно отполз к окну, наткнувшись локтем на спасшийся бегством амулет правды.

– Я вам мозги вышибу! – крикнул он, угрожающе размахивая дубинкой.

Хозяин таверны, придерживая левой рукой порезанную правую, в ужасе отпрянул назад.

– Хватай его, Граймс! – взревел он.

– Сам хватай! – проорал конюх.

– Я давно хотел зарезать тебя в твоей постели! – провизжал хозяин таверны.

– Не думай, что я не обкрадывал тебя потихоньку с тех самых пор, как стал служить в твоём мерзком трактире! – провопил конюх в ответ.

– Я проломлю череп любому, кто встанет у меня на пути, – сказал Эскаргот, решительно направляясь к двери. Он подхватил с кровати свою переметную суму, в последний раз обернулся, чтобы пригрозить дубинкой двум мужчинам, а потом выскочил из комнаты и бросился вниз по лестнице, на прощанье крикнув через плечо:

– Окажите себе любезность, сбейте свои усы!

Буквально через пару секунд он уже находился во дворе и, подгоняемый страхом и возбуждением, проворно взбирался на лошадь, прислушиваясь, нет ли за ним погони. Но он слышал лишь истерические крики двух мужчин, орущих друг на друга по-прежнему на втором этаже. Эскаргот легким галопом пустился к дороге, бросив столбик кровати на лужайке. Сверху донесся последний вопль, вслед за которым раздался грохот и протяжный вой, резко оборвавшийся.

Эскаргот ударил лошадь пятками по бокам, подстегнул поводьями и поскакал во весь опор сквозь ночную тьму, пока снова не выехал на дорогу у реки и не свернул в сторону Города у Высокой Башни. В конце концов, решил он, в такую ночь хорошо путешествовать, уж всяко лучше, чем останавливаться на ночлег в трактирах. Он дрожал так сильно, что едва сумел вытащить из кармана амулет правды.

Да, ночка выдалась странная, мягко выражаясь. Очевидно, Эскаргота разбудил хозяин таверны, который пытался потихоньку пробраться в комнату и перерезать ему глотку во сне. Приводило в недоумение то обстоятельство, что мужчина счел необходимым громогласно объявить о своих намерениях. Почему, выслушав откровения хозяина таверны, Эскаргот счел нужным завести речь о маленькой Энни? И зачем они обменялись мнениями о своих женах?

Он снова посмотрел на амулет правды, который лежал у него на ладони, тускло поблескивая глазом в лунном свете. Амулет правды, ну конечно! Он не имел ни малейшего отношения к такого рода правде, какую Эскаргот пытался у него узнать. Как раз наоборот, амулет заставил говорить правду его и двух мужчин, которые попали под воздействие волшебных чар, когда вошли в комнату. Эскаргот положил камень обратно в кожаный мешочек и ссутулился в седле, зябко кутаясь в куртку. До Города у Высокой Башни оставалось еще долгих три-четыре часа пути, и когда он доберется дотуда, уже ни в одном трактире не будут светиться окна.

5. ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

Эскаргот провел ночь в лодке у берега залива Высокой Башни, а утром, помятый и раздраженный, позавтракал яичницей с жареным мясом в Городе у Высокой Башни. Никто там не слышал ни о каком Эбнере Хелстроме – ни один человек. Но гнома в мягкой шляпе с опущенными полями местные жители знали достаточно хорошо, чтобы всякий раз сворачивать в сторону, заслышав впереди постукивание посоха по дороге. Он жил, как сказали они, в каменном замке на горе Высокой Башни, но уехал примерно месяц назад, и с тех пор из труб замка ни разу не шел дым. А один старик в таверне сказал: «Если на свете есть такая штука, как удача, гном убрался отсюда навсегда».

Что же касается Леты, то никто вообще ничего о ней не слышал. С другой стороны, ведьм там было хоть пруд пруди, особенно в эту пору. Близился Хэллоуин, так ведь? Они заполняли город по ночам, и ни один здравомыслящий человек не выходил из дома после наступления темноты.

Эскаргот ухмыльнулся. «Я бы не отказался столкнуться с одной-двумя ведьмами», – сказал он, понимая, впрочем, что отчасти это пустая похвальба. С одной стороны, он вообще не хотел ни с чем и ни с кем сталкиваться и мечтал об уютной гостиной, горящем камине и закрытых ставнями окнах. Но с другой стороны, ему не терпелось отправиться в путь и ехать под озаренным луной небом вниз по реке, к океану.

Через четыре дня он уже почти достиг цели и скакал легким галопом под морсящим дождиком между двух рукавов устья Ориэли. В слабом ветерке чувствовались запахи соли, морской пены, смолы, устричных раковин и затхлый, дымный запах осени. Дорогу запрудили пешие путники, громяхающие телеги и всадники: все спешили в Город-на-Побережье, на праздник урожая. Группы светлых эльфов, бешено работая веслами, неслись вниз по реке в длинных цилиндрических челноках, которые скользили по воде так легко и плавно, словно летели на полозьях по льду. Незадолго до заката, когда усталая лошадь преодолела длинный трудный подъем, Эскаргот увидел далеко внизу Город-на-Побережье и простирающуюся до самого горизонта серую гладь безбрежного океана.

Это был древний, обнесенный стеной город, который тянулся вдоль изогнутого берега залива подобием полумесяца. На западе стена выступала почти на сорок футов в залив в том месте, где воды Ориэли смешивались с солеными водами океана. Стена местами осыпалась, и на илистых отмелях лежали кучи камней и щебня. Несколько гномов с мастерками в руках ползали, словно жуки, по шатким подмостям, свисавшим со стены, а другие спускали им сверху ведра известкового раствора и камней, предназначенных для починки осыпавшегося волнолома.

С возвышенности, где стояла лошадь Эскаргота, открывшееся взору зрелище напоминало иллюстрацию из книги Дж. Смитерса – город, обнесенный крепостной стеной с многочисленными башенками, вдоль и поперек искрещенный улицами; волны, набегающие на открытый каменистый берег; длинные перистые облака, плывущие по вечернему небу. В заливе, качаясь на волнах, стоял на якоре корабль со свернутыми парусами. Было легко представить флотилию таких кораблей под черными флагами с эмблемой смерти, которые безлунной ночью палят из пушек по высокой городской стене, откуда им отвечают длинные орудия.

Главные улицы Города-на-Побережье расходились от центральной площади подобно спицам колеса, ныряя под арочные каменные мосты, запруженные народом, и выныривая из-под них. Клубы дыма поднимались над сотнями костров, на которых готовили пищу, и, даже находясь в миле от города, Эскаргот чувствовал запах жира и жареной колбасы и острый, пьянящий аромат темного эля в открытых бочках.

Эскаргот дернул поводья, но животное и не пришлось особо понукать. В считанные минуты они спустились с возвышенности, и город скрылся за следующим холмом, чуть ниже предыдущего. В скором времени взору Эскаргота были явлены мощные арочные ворота в стене, выложенной из обтесанного гранита. Он проехал в открытые ворота вместе с полудюжиной других путешественников – жителей Монмота и Города Пяти Монолитов – и через несколько мгновений влился в шумную толпу, текущую между рядами старых, покосившихся домиков, оглушенный криками уличных торговцев и кружащих в небе морских птиц.

Итак, он достиг места назначения. Дальше не было ничего, кроме моря, и хотя отчасти Эскаргота привлекла сюда неуловимая, переменчивая тайна океана, последний еще не стал целью его путешествия. Сначала он хотел увидеть праздник урожая, а потом посвятить месяц исследованию побережья. В самих названиях на географических картах чудилось нечто почти волшебное: Дроздовая бухта, мыс Ламантина, Изумрудный залив. Было бы жаль не увидеть все эти места своими глазами. После этого, вполне вероятно, у него останется еще достаточно золотых монет в кожаном мешочке, чтобы купить билет на шлюп, направляющийся к Океанским островам. А в тропиках, полагал Эскаргот, человек может обойтись и без денег.

Он двинулся к центральной части города, захваченный праздничным настроением ярмарки. Несмотря на прохладный вечер, почти во всех домах, стоявших вдоль улицы, окна были открыты, и люди высовывались наружу, приветственно кричали, махали руками и снова исчезали. Тротуары были тесно заставлены столами и стульями, а на ступеньках крылец вповалку спали люди. Эскарготу внезапно пришло в голову, что найти место в гостинице здесь практически невозможно. Еду и питье он уже нашел в изобилии, но было глупо надеяться, что в городе, наводненном приезжими, отыщется хоть одна свободная постель. Почему он не подумал об этом раньше? Эскарготу не особо хотелось спать на крыльце. И что делать с лошастью? Если бы он остановился в гостинице, то поставил бы животное в конюшню. Но если он просто привяжет лошадь к фонарному столбу и отойдет, то первый же прохожий сядет на нее и уедет прочь. Он продаст ее, вот что он сделает. Зачем ему лошадь? Он же достиг места назначения, верно? В конце концов, по побережью он может запросто путешествовать пешком.

Продать лошадь оказалось проще, чем Эскаргот предполагал. После того как он принял такое решение, ему потребовалось меньше пяти минут, чтобы найти покупателя – торговца гироскопами, который полторы недели добирался досюда из Стутона пешком, но не испытывал ни малейшего желания потратить еще полторы недели на обратную дорогу. К своему удивлению, Эскаргот почувствовал грусть при расставании с лошастью, но он уже зашел слишком далеко, чтобы останавливаться под влиянием сентиментальных чувств, и потому просто потрепал ее по холке, перебростил через плечо переметные сумки и передал поводья новому владельцу. Эскаргот обогатился на сумму, заставлявшую лишь пожалеть о деньгах, которые он сам прежде заплатил за животное, но обрел большую свободу действий, избавившись от части собственности.

– Скажите, а как вы обходитесь? – спросил он мужчину, снова снимая сумки с плеча. – Спите на тротуаре?

– Именно так я и обхожусь. И тротуар становится прежестьким через несколько дней. Но мне нет выгоды тратиться на гостиницу. Я с таким же успехом мог бы остаться дома. Это ж не увеселительная прогулка.

– Конечно. Я сам не стал останавливаться в гостинице. Что вы скажете, если оставлю у вас свои пожитки? Я вернусь за ними сегодня вечером или завтра утром. За мной не пропадет.

Парень нахмурился, словно заподозрив Эскаргота в неких недобрых намерениях. Но вроде на это было не похоже. Все-таки человек отдавал ему свои сумки.

– А что в них?

– Только одежда, – сказал Эскаргот. – Посмотрите сами. Я просто не хочу болтаться по городу с ними. Я таскал с собой это барахло две недели и хочу хотя бы на вечер отделаться от него. Что вы скажете?

– Сколько?

– Серебряная полукрона.

– Лады, – сказал мужчина, протягивая руку. Эскаргот пожалел, что дал слишком много. Мужчина согласился более охотно, чем следовало. Но Эскаргот мог позволить себе такие траты. Зачем скупердяйничать? Надлежало проникнуться духом праздника. В конце концов он оставил сумки у мужчины и пошел прочь, взяв с собой лишь кожаный мешочек и экземпляр «Каменного великана». Он предпочитал всегда носить с собой какую-нибудь книгу, просто на всякий случай.

До вечера Эскаргот гулял по городу, наслаждаясь мыслью, что у него нет никакой конкретной цели и что на любом перекрестке он волен повернуть направо или налево, как душа пожелает. Пешком человек может проходить по шесть миль в день, если путешествует не спеша, здесь останавливаясь, чтобы вздремнуть часок на солнышке, там благодушествуя за кружкой эля. Верхом получится быстрее, разумеется. Но он запросто сможет проехать мимо чудесной, залитой солнцем полянки и не испытает особого желания спешиться и открыть книгу. Какая разница, будет ли он в своем путешествии по побережью неторопливо проходить по шесть миль в день или пробегать рысью по двадцать? Пока Эскаргот не видел никакой разницы. Он всерьез взялся за проблему времени, вот что он сделал. И здесь, на улицах Города-на-Побережье, где он мог ничего не делать – или, вернее, мог делать все, что захочет, – он впервые исполнился уверенности, что взял время за горло.

Конечно, в последние несколько недель Эскарготу приходилось тяжело. И если бы ему дали возможность вернуть все – дом, жену, Энни, Твомбли, рыболовную сеть и леса, по-прежнему спрятанные под бревном на берегу реки, – он бы за нее ухватился. По крайней мере, изъявил бы желание вернуть хотя бы часть перечисленного. Впрочем, новые рыболовные снасти он всегда может купить. Сразу за Городом-на-Побережье в море выдавался скалистый риф – Эскаргот увидел его двумя часами раньше, когда останавливался на возвышенности над городом; и там наверняка полно разных удивительных заводей и протоков. Кто знает, какие рыбы там водятся? А что касается Энни... она уже осталась в прошлом.

Перед Эскарготом тянулась длинная широкая улица, полная пляшущих людей. Трио гномов трубило в длинные рожки, и эльф в островерхой шляпе пикировал на огромной скрипке, которая издавала ураган звуков, высоких и низких. Вся улица ходила ходуном под зажигательную мелодию, и даже высокие дома, казалось, покачивались и приплясывали в такт. Солнце спускалось все быстрее к стене волнолома, отступая под натиском вечера, и залитая оранжево-красным светом заката улица, казалось, полыхала ярким пламенем. Когда музыка стихала, с моря доносились протяжные стоны туманных горнов, далеких и одиноких, которые словно хотели напомнить участникам праздника о чем-то таком, что они изо всех сил стараются забыть. А потом ураган звуков вновь заглушал тихие вздохи туманных горнов, и улица вновь пукалась в пляс.

На дальнем перекрестке, уже частично затянутом туманной пеленой, дюжина огромных деревянных кукол прыгала во главе веселой шумной процессии. Ярко раскрашенные куклы хитро улыбались, раскланивались, кружились и высоко подпрыгивали, заглядывая в окна второго этажа и на балконы. Эскаргот вместе с танцорами отступил на тротуар, пропуская процессию, и завороченно смотрел на щелкающие деревянные челюсти, хлопающие уши и вращающиеся глаза кукол. Внутри них находились гномы и эльфы, которые бешено манипулировали деревянными конечностями и давили на надутые рыбы пузыри, верещавшие пронзительными нечеловеческими голосами бесконечные тирады, совершенно дикие и невнятные, но казавшиеся исполненными некоего глубокого и зловещего смысла сейчас, когда бледный туман

раннего вечера медленно обволакивал город. Эскаргот пошел вслед за процессией, хлопая в ладоши, притопывая и ухая, и почти сразу оказался посреди танцующей толпы, в которой четыре музыканта продолжали трубить в рожки и пиликать на скрипке как сумасшедшие. Все вокруг плясали, и через полминуты Эскаргот обнаружил, что пляшет вместе со всеми, меняя партнерш одну за другой, подхваченный вихрем музыки, ослепленный яркими огнями, оглушенный треском шутих.

Они направлялись к дворцу на главной площади; процессия увеличивалась с каждой минутой и тянулась почти до самого берега. Из домов выходили люди со снопами пшеничных колосьев, перевязанными красными лентами. По параллельной улице с грохотом двигался огромный рог изобилия, то показываясь на перекрестках, то исчезая за домами. В его обращенном кверху зеве размещалась причудливая композиция из тыкв, кабачков и огородных пугал, сплетенных из кукурузных листьев, – все они крепились между ножками перевернутых сломанных стульев и столов, беспорядочно нагроможденных вокруг гигантских напольных часов, торчавших из этой груды хлама. Угасающее солнце отражалось на треснувшем стекле циферблата, и Эскарготу казалось, будто стрелки часов бешено вращаются, словно отсчитывая годы за минуты.

Шумная процессия вошла под арочный мост, сложенный из обтесанного камня, и на пять минут рог изобилия исчез из вида. Когда же он снова появился, в пляшущей за ним толпе Эскаргот увидел Лету. Он не мог обознаться.

Он начал протискиваться к тротуару, подсказывая на цыпочках и вытягивая шею, чтобы рассмотреть получше. Огромных размеров женщина в украшенной перьями шляпе схватила его за руки и закружилась с ним в танце. Эскаргот вырвался, наткнулся на трио пляшущих дудочников и чуть не упал. «Эй, поосторожней!» – крикнул один из них, запрыгав на одной ноге и схватившись за носок ботинка. Выскочив на крохотный свободный пяточок тротуара, Эскаргот прокричал извинения в пустоту, а потом бросился в узкий мощный булыжником переулок и принялся проталкиваться сквозь плотную, судорожно шевелящуюся толпу людей, ритмично дувших в бумажные флейты.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом. Через пять минут Эскарготу останется положиться лишь на факельный свет, и тогда поиски Леты в толпе станут делом чрезвычайно трудным.

Впереди по извилистой дороге медленно полз в гору рог изобилия, по обеим сторонам которого шли десятки людей в больших двусторонних масках, изображавших румяные младенческие лица; они все кружились, словно волчки, попеременно являя взору то зловещую ухмылку, то плаксивую гримасу, и среди них спотыкаясь шагала Лета, которая растерянно озиралась по сторонам, словно заблудившись. Эскаргот закричал и помахал ей рукой. Но она не обернулась. Она не могла услышать его в таком шуме. Девушка свернула вправо и на мгновение исчезла за покачивающимся рогом изобилия, а потом снова появилась, чтобы тотчас устремиться в темный переулок – бегом, словно спасаясь от преследования. Эскаргот бросился за ней. Она не могла убежать от него. Ведь она даже не знала, что он здесь.

Свернув в темный переулок, Эскаргот пошел медленнее. Он слышал шаги впереди, шарканье ног по булыжной мостовой. Но солнце уже село, и все вокруг затянуло пеленой морского тумана. В спешке и в желании увидеть ее Эскаргот забыл, что Лета не совсем та, кем кажется. И тут он вспомнил, как она явилась ему на мельнице в виде огромного черного кота, а на рассвете обернулась сгорбленной слепой старухой. А изорванный том Смитерса – это он тоже вспомнил. «Нашим жизненным путям, – рассудил Эскаргот в неожиданном приступе смелости, – похоже, суждено пересечься. Так пусть уж они пересекутся сейчас, пока я преследователь, а не преследуемый».

Переулок, изгибаясь, спускался со склона холма, мимо бесконечных заросших кустарником задних двориков, и вечер быстро превращался в ночь. Туман сгустился. Эскаргот замедлил

шаг, потом остановился и прислушался. Вместо твердых быстрых шагов Леты теперь впереди раздавалось приглушенное мерное шарканье, словно кто-то медленно и устало брел по переулку – на сей раз ему навстречу. Эскаргот попятился, с трудом подавляя желание развернуться и броситься наутек. «Я доведу дело до конца, подумал он. – Будь что будет, но я сражусь с этими дьяволами, чтобы получить возможность спокойно жить своей жизнью. Нельзя допустить, чтобы они выпрыгивали из-за каждого угла на моем пути».

Туман перед ним завихрился и рассеялся, словно от дуновения неощутимого ветерка, и из него выступила сгорбленная ведьма, которая неумолимо приближалась к Эскарготу, медленно шаркая ногами, тяжело опираясь на клюку и крутя головой из стороны в сторону; казалось, она знает, что кто-то стоит поблизости и наблюдает за ней. Эскаргот прижался спиной к забору и затаил дыхание.

В тумане послышался дробный топот, словно толпа людей бежала по переулку, направляясь к ним. Эскаргот отступил в тень навеса над задней дверью дома и нашарил левой рукой дверную ручку. Дверь оказалась незапертой. В случае чего он потихоньку проскользнет в дом и запрется изнутри. Безусловно, хозяева вышвырнут его за порог, приняв за пьяного гуляку, но лучше уж это, чем... чем что? Он не имел ни малейшего желания выяснять это.

Старуха прошаркала мимо, явно спеша, часто постукивая палкой по булыжной мостовой. Длинная бахрома ее шали вяло трепыхалась подобием мокрой паутины, костлявое лицо ведьмы подергивалось от нетерпения. Крики и топот стали громче, в тумане замерцали факельные огни. Потом из тумана выбежал дядюшка Хелстром, за которым гналась целая орава людей, размахивающих факелами, вилами и веревками, свернутыми в кольца. В зубах гном сжимал зажженную трубку, набитую, несомненно, хрупкими косточками человечков-невеличек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.